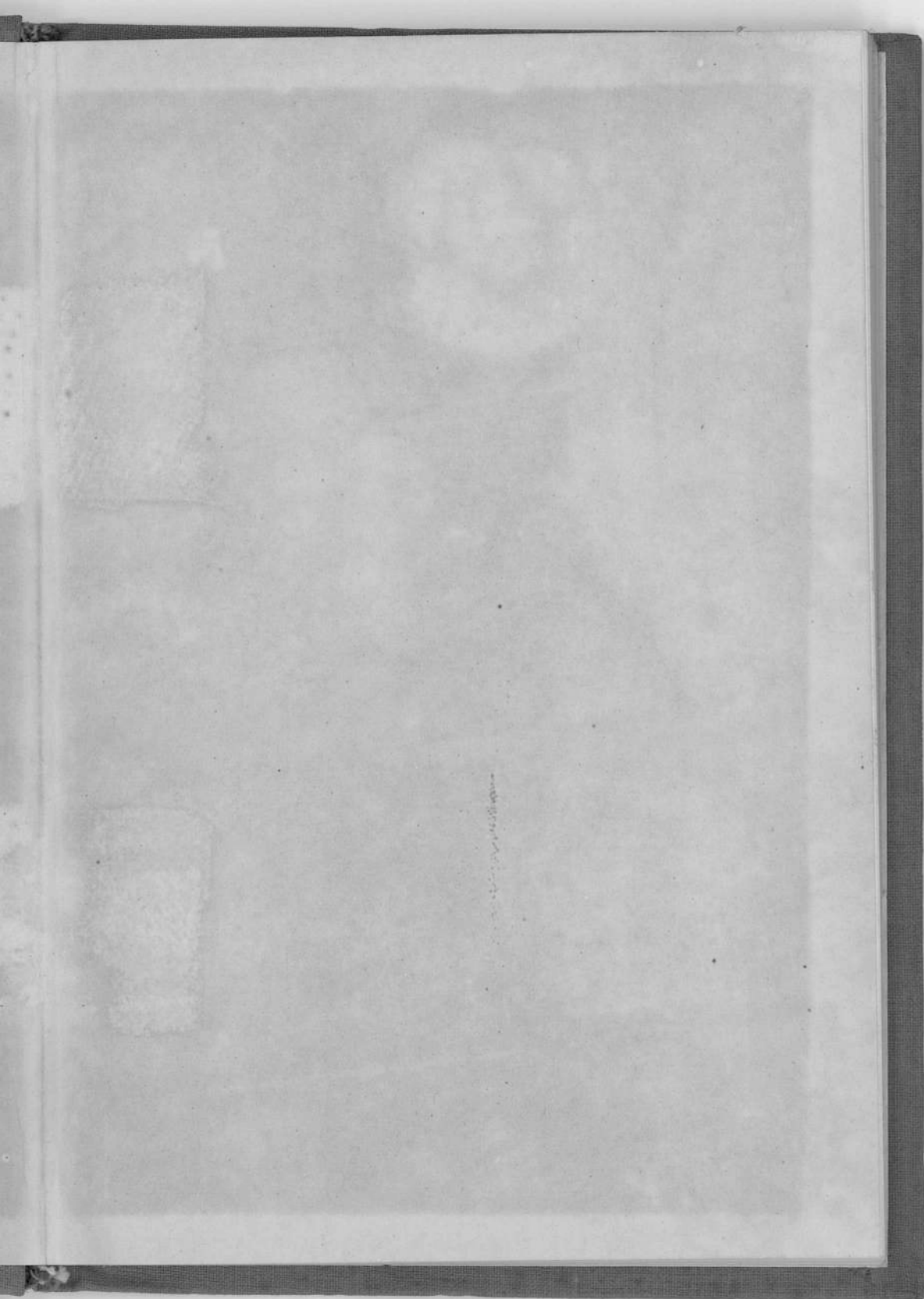

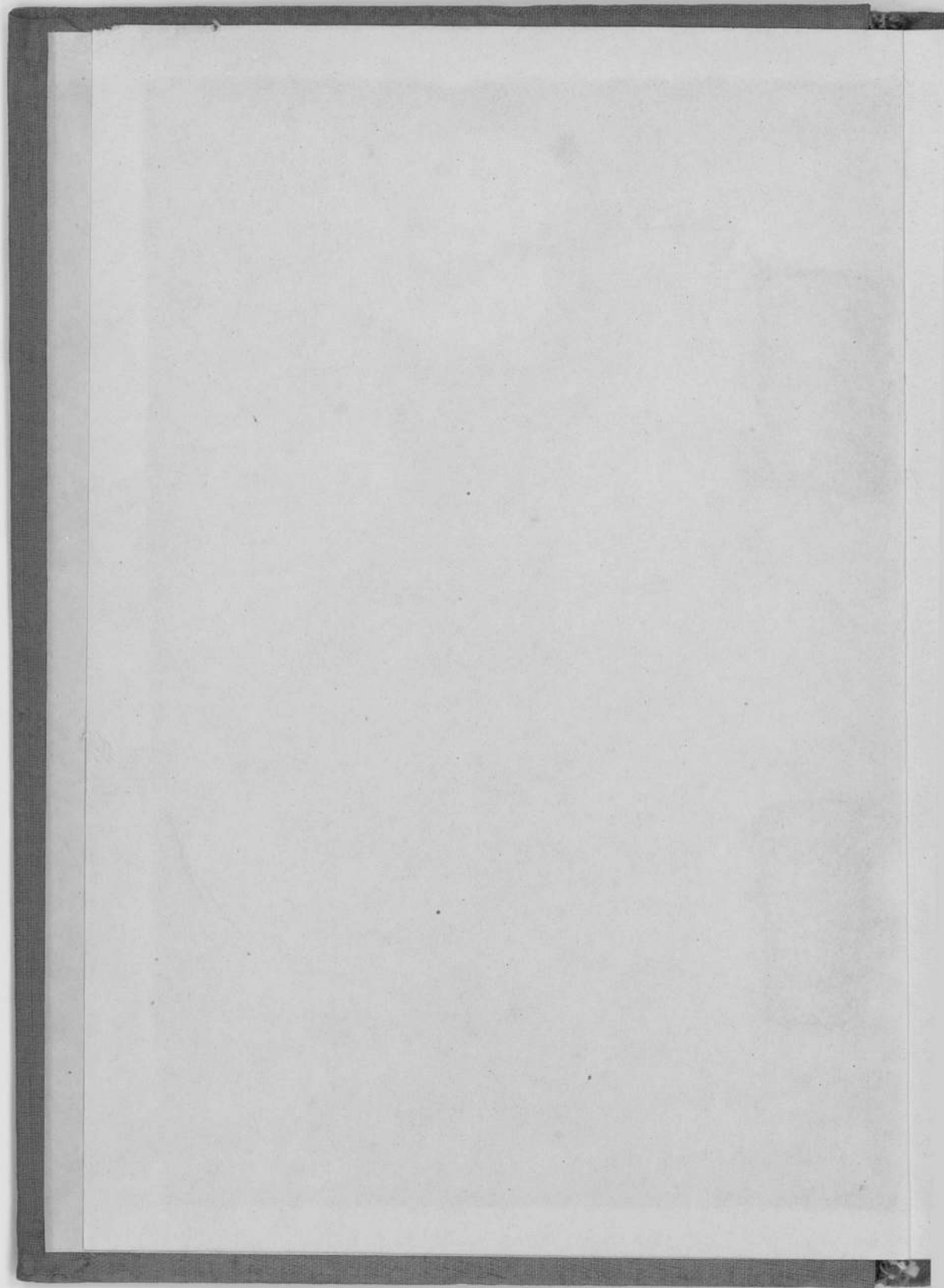

Л Е Н И Н
С Т А Л И Н
Х У Д О Ж Е С Т В Е Н Н А
Л И Т Е Р А Т У Р А Н Ы

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARY

UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARY

UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARY

ЛЕНИН и СТАЛИН

В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

НА ХАНТЫЙСКИЙ ЯЗЫК
ПЕРЕВЕЛИ

СЕБУРОВ, ХАТАНЗЕЕВ,
ХОМЗАРОВ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Н. ТЕРЕШКИНА

★ ————— ★
ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВСЕВМОРПУТИ
ЛЕНИНГРАД ★ 1939

Хан.
Н 3-10

ЛЕНИН, СТАЛИН

ХУДОЖЕСТВЕННА-

ЛИТЕРАТУРАНЫ

ХАНТЫ ЯСЫНГА
ТОЛМАСЬТЫСЫ

СЕБУРОВНЫ, ХАТАНЗЕЕВНЫ,
ХОМЗАРОВНЫ

Н. ТЕРЕШКИН
ЁШ УХТЫНЫ

★ ————— ★
ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВСЕВМОРПУТИ
ЛЕНИНГРАД ★ 1939

1939
01-511

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	5
Кат сокол (Украинска ари)	9
Леонид Борисов. Смольный (ханшим потыр)	11
Сталин ол'ынгны арийтпри (Дагестанска ари)	21
Ленинска шоп (Белорусска моньсь)	24
Мой-хо	28
Янка Купала. Мунг Сталинев ол'ынгны арем ма манл'	34
Н. Островский. „Хотсахат этып этпамыс	36
А. Толстой. Нянь	48
Приложение. Русский текст	77

Редактор Я. Торгашин

Корректор С. Томина.

Технический редактор Е. Женин.

Стано в набор 10|VI 1939 г.   Подписано к печати 1|X 1939 г.   Бумага 60×92.
 Уч.-авт. л. 5,81.   Печатных л. 7³/₄.   Бумажн. л. 8¹/₂.   Тип. зн. в 1 бум л. 101760.
 Лениоблгортл № 4762.   Инд. Н.—80—V.   Изд. № 158.   Тираж 4000 экз.   Заказ № 2180.

Типография „Коминтери“, Ленинград, Красная ул., 1.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ленин и Сталин иса мирны ул'ыйнгын. Л'ын иса трудящйсьяитны мосл'айнгын (люпитлайнгын). Л'ын нэмл'ын эвыл'т иса угнетателит (тасинг ёх) пал'тап эвыл'т торийл'ыт.

Ленин и Сталин мунг социалистическа родинаев народытны шенгк люпитл'айнгын и мосл'айнгын Ленин и Сталин ёш йил'пины л'ыв йил'ыг оинг ул'пыс версыт. Ленин и Сталин л'ывел ой маснгын, л'ывыт патлам и нуша эвыл'т этл'сангын.

Ленин и Сталин ол'ынгны мунг странаев оинг народыт: русит, украинецыт, грузиныт, казахыт, хатанит, ёрныт, эвенкыт, нанайцыт, ханты ёх арет арийл'ыт. Ленин и Сталин ол'ынгны ар шенгк ям художественна произведение—стихотворениеит, арет, потрыт, повестит ханшман ул'. Там произведениеит Ленин и Сталин мудра верыт и апынг верыт ол'ынгны потыртл'ыт. Потыртл'ыт си ол'ынгны, хоты трудящйсьяит Ленинны и Сталинны помещикыт и капиталистыт есял'т л'ялиста тусыт. Там произведениеит мунг оинг ул'пысэв олынгны, велика Советска Союз народыт л'ухысанг ул'ыпсы ол'ынгны потыртл'ыт. Л'ыв Ленин и Сталин народны люпитты ол'ынгны, Ленинска — Сталинска партия эвыл'ты ол'ынгны потыртл'ыт, л'ыв йил'ып победаита вохл'ыл'ал'.

Капитализм странаитны народна искусство ел'лы ант энмыл'л'. Трудящйсьяит врагыт — капиталистыт — хол'т тэмл'ыт мет ям искусство произведениеит, матотытны угнетателит эксплуатация есял'т л'ялисты ол'ынгны номые ал'ьман.

Мунг социалистическа обществовны искусство и литература народ ёш ухтыны. Вот муй пата ситы шенгк энмыс мунг искусствоев — национальна формаил' хорасны, социалистическа содержаниеил' сирны. Сталинска Конституция ар национальностинг советска искусствоя, си кутны и овыс народыт искусствоя иса от мас хол'на па уна энимты пата.

Там книгайны ханшман туп шенгк ай пельк, иса сит эвыл'т, муй Ленин и Сталин ол'ынгны ханшман. Там ол'ынг книга, хотя акытманыт и русь ясынг эвыл'т ханты ясынга ханшманыт Ленин и Сталин ол'ынгны.

Тата ул'ты художественна произведениеит „Нянь“ повесть эвыл'т отрывкаит ханшманыт. Там повесть ханшман си пораны, хун Велика Октябрьска социалистическа революция хус тал'а йис. Л'ув писатель-орденоносцыны, СССР Верховна Совет депутатны А. Н. Толстойны ханшса. А. Н. Толстой „Нянь“ повестил'ны потыртл' Ленин и Сталин партия и народ велика руководителынгын ол'ынгны, мунг пал'тапл'и Красна Армияев ол'ынгны, матот 1918 ол'ны белогвардейска бандаит есял'т лял'исман, нох питыс.

„Смольный“ потырны писатель Л. Борисов потыртл' си ол'ынгны, хоты Ленин революция ювпины ол'ынг хатл'ытны ропитыс. Ленин трудящийсяит ол'ынгны иса нумысым верол'ынгны и трудящийсяитны Ленин люпитты ол'ынгны писатель ханшл'!

Ленин сорым шенгк ун шока мир пата ус, сит эвыл'т иса трудящийсяит самл'ал'а кашия ус. „Мунг партияев репынг Курык“ антома йис, — хоты вохса Ленин Сталинны. И Ленин вер л'ув мет ям пил'хоил'ны — велика Сталинны ёша вусы.

Тата ханшманыт отрывокаит писатель - орденоносец Николай Островский книга эвыл'т. Л'ув иса нуптыл' социалистическа родинаил'а масл'е. „Как закалялась сталь“ („Хоты этып этпамыс“) книгагы Николай Островский потыртл', хоты рабочиит Ленин сорыма ёхл'ы лопсыт, си ол'ынгны, хоты мет ям рабочийит партия л'онгсыт, ат л'ул'н Сталин ёш йил'пины Лениң ун вер ел'лы тута.

Тата ханшман колхозникыт Ленин ол'ынгны потыртом
потрыт, хоты л'ув курта крестьяниныт хоси л'ыв ул'пысэл'
и нушал'ал' ол'ынгны потыртта ёхл'ыйл'ыс.

Там книганы Сталин ол'ынгны мунг странаев мет ям
поэтыт ханшим стихотворениеит ханшманыт.

Мунг нумысл'ув овыс мирл'ув СССР ар миллионып на-
родыт пил'ны л'ив стихл'ал'ны, арил'ал'ны и потырл'ал'ны
Ленин ол'ынгны мосман потыртл'ыт.

Мунг нумысл'ув (надейтыйл'ув), что там книга туса
хуньсил'а л'унгытты ёхны и нётл' ханты ёх писателита и
поэтыта йил'ып художественна литература ханшта.

Художественна литература толмэсьтыты вер, си киньси
стихыт толмэсьтыты вер—йил'ып вер и шенгк л'авырт
вер. Переводчыкыт и редактор л'унгытты ёх эвыл'т вохл'ыт
издательствая там книганы ханшим отыт ол'ынгны нэпек
кил'та, муй нынан мустыс, муй ант мустыс. Л'ыв советл'-
ал'ны и памтыпсыл'ал'ны л'унгытты ёх мунгев там книга па
пуш л'увыл' ямашика эсыл'та нетл'ыт.

Faint, illegible text, possibly bleed-through from the reverse side of the page. The text is arranged in several paragraphs and is too light to transcribe accurately.

КАТ СОКОЛ

(Украинска ясынг эвыл'т ханшса)

Тота, л'ыськам мувын,
Восты дуб юх ухтын
Кат соколле сята
Потыртсангын яха.

Там соколнгын мирын
Сора моштысыйнгын:
Ол'ынг сокол—Ленин,
Кимит сокол—Сталин.

Ол'ынг сокол—Ленин,
Кимит сокол—Сталин.
Сокол пошхыт лакка
Пал'ынг иты янгхсыт.

Ол'ынг сокол сята
Кимит сокол пел'и
Сормыл' ёхтым ол'ынг
Л'ухсыл' пел'и лопыс:

„Сокол, яем ики,
Ул'ым кемем ёхтыс,
Иса уны трудыт
Нанг ёшена хасъл'ыт“.

Кимит сокол ястыс:
„Әвыл'ман нанг ул'а,
Нюл'тып нанген мал'ув:
Ёврая ант манл'ув“.

Веськат нюл'тып яснғыл'
Сэмыт яна эттыс:
Иса шоши мувев
Оинга л'ув верыс.

СМОЛЬНЫЙ

(Ханшим потыр)

I

Л'апытхосьянгмит ол'ны ноябрь тылысьны Смольна комендантская катанкайны и ошни сахны, ун тушип крестьянин ики ёхтыс. Комендантны л'ув иньсьмисы: „Муй мосл', рахты хо?“ — там яснгыта л'ув ал' лопыс:

— Начальник хоси ёхытсым.

— Муйсыр нанген сята начальник? Потырта ошинга!

— Председатель хоси манэм мосл'.

— Муй хоты нанген мосл', ойка? Нанг курт эвыл'т ёхытсын?

— Ма курт эвыл'т. Псковский ма.

— Сял'та па муй?

• — Ма, рахты хо, Ленин пил'а еша потремыта ёхытсым. Нанг, рахты хо, маныт туве л'ув хосел'а!

Комендант няххыл'ыс:

— А нанген муй мосл' Ленин хоси?

— Ий-я, муйл'амп так законыт нын хосянген! Хол'та, муй, муй пата! Ант тул'ын?

— Антом, ойка, ант тул'ым! Ленинананг тохыл'пен вер ар, л'ув ант ештыл'. Нанг манэм лопа, муйсыр

вер нанг тайл'ын? Мунг, мосынг, Ленин тохыл'пи верл'ев. Омса!

Крестьянин омсыс. Комендантны папироскайны масы, шай яньсьта вохса. Етн нивыл'мит сёс ус, комендантска ниньсис. Крестьянин воньсимотны рувтым шай л'ермат яньсьта питыс, юв хот сунгыт хуват ангкырмил'ыс и сыинга нёхмыс:

— Турым такл'ы ул'л'ыты!

Комендант няххытыс, крестьянин канмемасы:

— А нанг ал' няха! Хутъянг яръянг ол' турым панна усым.

— Па муй, оинга усын?

— Исат ус. А ант няхсым!

— Па-хоты, муйсыр нях сята, порайтны хол'л'ыты кем ус! Яна?

— Сит хоты яна. Туп хотсахат сит ситы: турым пил'а ул'та сит хоты ий вер, па вер ал' ситы, тал' хотсунгны ул'та? Ленин ат л'ерамтыл'е сит манэм. Туве л'ув хосянгыл', рахты хо!

— Па нанг, ойка, ~~и~~ си па нях хорасып! Симись ай верны вуратл'ан Ленин хоси! Сит хоты тал' вер!

— Сиртны, нанг маныт ант тул'ен?

— Нэмолт пата антом.

— Па куш кепал' ситы, л'увыт ванты пата? Сипорайны рахыл'?

— Иситы ант рахыл'.

— Па мосынг ма л'увыт помасипо лопта л'ангхал'ым? Сэмнгыл'ам пуншис!

— Антом па нанген сэмнгыл'ан пуншис, ма сэмнгыл'ам иситы яма вантл'ынгын. Вошны ул'а — Ленин вантл'ын!

— Па ма, рахты хо, ант мошитл'ым ул'та. Ма-имем тифны кашенг. Мол'хат мунг помещик хот-вуситсэв. Наташка турыма поикты тахи эвыл'т керл'ыс, па допыл' мунгев, мол'ты ситы-па турым ул'. Ленин вантта мосл'. Л'ув допыл',—сиртны ма эвыл'л'ым.

— Сит-я тал' потрыт, ойка! И манэм па тата нанг пил'енны потыртта арт антом. Мана-са нанг тохи, коридор хуват, па хошим йингк па кашка л'ева, сяд'та ил' ол'а.

— А хол'та ма ол'л'ым?

— Ма хосема йил'ын, ма нанген хотны ол'та эсл'ты нэпек мал'ым. Хал'евыт ёхи манл'ын. Кашенг ими атэл'т хайта ант рахыл'.

— Па сит хоты атым. Шарен мия-са тал'та!

— Тал'а! Пирысь ики, а симорт осьмар хо. Ту-рым пата ёхытсын! Мунг интам турым такл'и ру-питта питл'ув. Муйсир хозяйство тайл'ын?

— Хот па амп тайл'ым, сиськурек хухытл'иил'. Пояр мав пирым л'атыил'. Мис тайсым. Тараканыт тайл'ым. Тата, вошны, йив эвем ул'л'.

Крестьянин па ий стакан шай яньсис. Комендант-скайны телефон лонгханьсип тёлымтыс, ова хоят сэнгканьсьта питыс. Комендант нох л'ол'имтыс:

— Нанг омса, ма сора ёхытл'ым!—крестьянин пел'и нэхмыс па коридора хухыл'мыс.

Хонгхтып хуват Ленин ил' шушл'. Л'ув тал' сирны л'умытл'ыман ус, ёшнгыл'ал' сах сепя эсл'сыл'е, веншл' ухтыны яма ропитым хо сирны нях восил'тыл'ыс. Ленин паста шушис, л'ув панл'ны Луначарский па Урицкий шушта вурана ештыснгын. Ленин л'ол'имтыс, охыл' нохты ал'емыс па сыйнга допыс:

— Анатолий Васильевич! Пасташик шуша! Товарищ Урицкий!

Паста кимит хот йит площадка эвыл'т хухыл'мыс л'эл', ул'ынг л'ангхрып Урицкий и, питы лакып сэм картэнгыл'ал' леситман, Ленин панны шушмыс. Комендант ов хоси нох л'ол'ис, ёшл' нох ал'ымман, вуся верыс, Ленин л'ол'имтыс, тунга комендант сэма анкырмамыс, каша нях восилтыл'ыс па сыйнга лопыс:

— Вуся, товарищ комендант! Я, хоты эвиле? Яма йис?

Комендант еша ел'емса, веншл' тарыма¹ версыл'е па, коридор хуват вантман, Ленин пел'и ант вантман, лопыс:

— Там антом ма эвем. Там, ил'ампа, сторож эвиле нанг ал'ыл'ин?

— Па-па, сторож эвиле си!

— Сорма питыс, товарищ Ленин.

Красногвардееца сэмны ханимтыс, л'ув ий курым кем йира шушмыс па пува шашим ешл'ны кепкаинг хо катл'ымл'ыс. Там хо шай пут па нянь ширам тус. Л'ув хот пая вотл'ыс, па л'ил'л' ант л'ал'ман и сэм ант ханимман, Народна комиссарыт Совет председатель пел'и вантыс.

— Сорма питыс, лопл'ын? Си ванта . . . — мет мол'т л'увел'а сам сыйл'и потырны Ленин лопыс и вестибюля этыс. Комендант хот эвыл'т ким хухыл'мыс, мол'ты нёхмыс. Автомобиль ёхтыс, шофер ов пуншис. Ол'ынг Ленин л'онгыс, л'ув ювпел'ны л'ув пил'хойл'ал' л'онгсыт. Комендант хув автомобиль пел'и вантыс, сял'та, мол'тэл' номыл'мыман, ёхл'и хухыл'мыс. Крестьянин

---

¹ Тарым.

омсыс, шай яньсис па вантыс, хотсахат ун тушнье энмым красногвардеец ай пушканл' системтыс.

— Я, хота усынь? — крестьянин комендант иньсьмысл'е.

— А нанг иса омысл'ын? Ий-я хоты, ойка, янгхаса нанг столовая, а сял'та ил' ол'а.

— Помасипо! А Ленин вантта мосл'. Ант эсл'л'ын?

Комендант л'евпыс эсл'ты отдела хусл'а нэпек ханшис, ат л'ул'ын ёхтым хо л'етотны эсл'ты талонны маты. Комендант туса ханшта ант мошитыс, л'ув л'уйл'ал' мет вол'анг винтовкая па ай пушкана унтл'сыт.

— Си! — л'ув лопыс, крестьянина нэпек шашимтман. Мана л'апытхосьянгмит комнатая, тота нанген иса от верл'а!

— Сорненг хое нанг! — иса самыл' эвыл'т крестьянин лопыс. — Па пуш ма Наташкаем тул'эм. Л'ув па ат Ленин хот вантл'. Наташка — антом ма, Наташка Ленин унта ёхытл'.

— Муйсыр Наташка?

— Ий нэ. Ситы номысл'ым, л'ув мунг хосянгев-председателя питл'. Мосты нэ, вывескаит л'унгытл'. Нянь манэм мал'ыт? Я, атым номыс ал' тая!

Крестьянин комендантский хот иса нял' сунг па ий пуш сэмны карытсыл'е, л'ил' рув эсл'ыс па, сорненг хоя ешл' шашимтман, лопыс:

— Ситы ки, турым панна рупита!

II

Ленин сер ат унта рупитыс. Ухыл' кашины еша сясыс, йингк яньста вутсил'ыс куш, графин тал' ус. Йингк а муй шай пата Ленин хоят китта ант л'ангхал'ыс, и, ёшны реведеман, йил'па пасан вутпия омсыс.

Хась патл'ам Смольна ун ишнит ким пелькны вот пол'ыс, сёрыс эвыл'т вот пол'ман, няр юх нувыт морил'ис, хот л'ангыл' эвыл'т менмым карты лист лох-сатл'ыс. Ленин ханшис, хул'ынтыл'ыс, няха восил'-тыл'ыс па хоя-кеша сэмнгыл' ханис. Ленин сэмнгын ун уснгын, па артны сорненга тюлпийнгын.

Смольныйны ол'лты вер утшасыт. Там катра ун хотны рупитым ёх самл'ал' па иса номысл'ал' Ленин пел'и керытсыт. Россия ун мув вошитны рабочийит и солдатыт фронтны самл'ал' и номысл'ал' Ленин пел'и керытсыт. Ун вер хоси ус ун, номсынг ох вел'ым.

Смольна комендант ант ол'ыс, л'ув нётты хоил' телефон хоси омсыс. Красна гвардия ант ол'ыс, ов хоси часовой ант ол'ыс. Ленин омысыс и ханшис. Совет Народна Комиссариат управляющий секретаря потыртыс, вошны римхамыс и электричество тут хурл'ыс и патлама питыс, ий минут кеша и Смольныйны тут нови хурл'ытыс.

Ленин нох л'ол'ис, сэмнгыл' нэрымсыл'е, утынга усэмыс па иси комны йил'па пасан вутпия омсыс. Ёшл'ны перо, нэпек матысыс. Женева па больница ай-операционна комната номыл'мыс. Фермер кур хол' эвытса, роман тут хурл'ыс, хирург (лекарь) пакныс, операция нох хась вол'ыс. „Сорма питта мошитыс“, — хирург потыртыс, но иса яма вер ештыс.

Ин, там патлам минутайны, хун коридор хуват хоят курым сый сасьмыс и хота-кепа ванны кантынг потыр сый сасьмыс, Ленин петроградска советска больница номыл'мыс, операция, хота мосанг иситы рабочий, матрос амуй крестьянин унтр вань-сим хирург патлам кутны л'ол'ыл'.

„Ул' муй антом л'ив хосян сопас лампа?“ —
номысл' Ленин.

И йирны восьтым нэпек ухтыя ханшис: „Боль-
ницаит, инструментыт“. Па нэпек лист шоппи ун
ханшины ошынга ханшис: „Ученыйит л'евыпсы“. Там
ясынгыл' сюремысл'е, стул шанш ухтыя шаншл'ны
воттыс, звонок л'уйны нёрытыс. Пасан ухтыны тайты
электричества лампа тут нови роман вусил'ыс мет
па хол'на новия. Вот камын ишния каклемыс.

III

Автомобиль ториис, уксима бензинны авыис,
Ленин охыл' кашенга йис. Л'ув шенгк туйман ус,
шимыл' ол'ыс, сикут поран л'ета ант ештыл'ыс, ропота
шенгк ар ус. „Мув кашинг меси—ропота“ — нумысыс
Ленин. „Кашинг минута — ропота“, — нумысым ну-
мысл'ал' хась па сыйнга потыртсыл'е.

Ленин макыратманшик омысл', венш л'увыл' мор-
мынга верымсыл'е и унгл'ыл' эвыл'т нях каш этыс:
Ленин вантым иса ёх, л'ув ким пельк там хорасыл'
ол'ынгны иса потырл'ыт, хун л'ув рабочийит пил'ны
потыртл' — каш хол' ант янгхыл' л'ув веншил'ны,
л'ув нях каш таис и си поран, хун л'ув меньше-
викыт, нюра вара рувемыты ёх пил'а, ёл'н омысты
философыт пил'а вурастыс. Исат, рупитал'ны, нинь-
стал'ны, Ленин сэнгыл' каншинга уснгын.

Вошны сус-иты атым турым ус, хотыт шив кутны
туп катл'ыт, турым хари кашл'и. Автомобиль торыис.
Ий лотны, хуленг вош улицайны, автомобиль хась
хомпыл'мыс, но шофер тус ёшны па пелька каремысы
и аил'та ант хомпылмитман, юш кутл'ып хуват манта
литыс. Ленин ов шека катл'ымтыс па няххыл'ыс.

Л'ув няхыс л'ув нумысл'ал' пел'и, л'ув вантыс ел' нупыт вош, страна и ел' нупыт мир. Л'ув сэм-нгыл' лап ханьсыл'е, и л'ув номсал'ны вош этыс, вош-харыт асфальтны понсыит, революционна центр хуват автобусыт, троллейбусыт, велосипедыт янгхл'ыт, рабочийит ул'ты районытны кев хотыт омыссаит, питы вол'ийты асфальт паркет хуват нявремыт хухыл'л'ил'ыт, ропитты ёх па ропитты имет ел' — ёх шушл'ыт, библиотекаит хоси мир л'ол'ь. Ленин ангкырмыс ертны пошым автомобиль ишния. Лапка хоси шока павтым, л'ел'и омысты ёх нянь л'авыл'ман очередьны л'ол'лит. Ленин нях кашил' веншил' эвылт иси курымны хол' маныс. Лув ямашик омсыс, сохны хуытым сосым омысты лотлны, охыл' карся ал'мыс, номсыл'ны па си этсыт яма л'умытл'ил'ом, л'евпа-сынг рабочий районыт, ар этажип библиотека хотыт. Ленин каремыс, секретарил'а, л'ув пил'хоил'а, нёхмыс:

— Нанг сяха манэм номыл'ме: Горький пил'а манэм мосл' потыртта! Сит ханше!

Автомобиль ухтыны йингки л'онсь парийта питыс, вот, ант вол'ийман, така пол'ыс. Пил'хоил' л'авл'ысман Ленин пел'и вантта питыс. Хун Николаевска вокзал мансэв, роман завод увты сый сыймыл'ыс. Сял'та вась турсыйны кимит завод увты сый сыймыл'ыс. Ленин, л'ил' рувл' ханятман, хул'ынтта питыс. Заводыт ий артны увта вол'ийсыт.

— Там хатл' этым газета нанг тайл'ын? — иньсьмыс Ленин.

Секретарь шашимтыс л'увел' вурты па восты карандашны постым газета. Ленин л'унгытта питыс.

Иса там газета Ленин номсытны тэкмыл'ломан ус, Ленин эвылт иса от йис, — л'ув верл' хувын

ол'ынгса и тамхатл' л'ув ел'ли верл'а. Тата Сталин нэм, Орджоникидзе нэм, Дзержинский нэм — иса сорненг ухыт, ун самыт!

Передовица, внутрення хроника, телеграммаит иса мир эвыл'т, петроградска айкел'ыт, партийна ул'ыпса, — иса Ленин вера л'онгман усыт. Партийна, общественна па профсоюзна мирхотыт, заседаниит па митингыт ол'ынгны ханшимот Ленин туса вантман л'унгытсыл'е, охыл' ревийман лопыс: ситы, ям, шенгк ям, вер, яна ситы!

— Ёхытсув, — Ленин секретарь лопыс. Ленин ямсыи газета понсыл'е па сах сепа люкемысл'е, но иси курымны сах сепыл' эвыл'т газет нох лавемысл'е па, ара л'арпемыман, пил'хоил'а шашимсыл'е.

— Тармыл' муй антом газета л'инан заводытны па воинска частитны? — автомобиль эвыл'т ким этман, л'ув нэхмыс. Секретарь лопта вутсил'ыс куш, но газета ёшл' эвыл'т ил' ракныс (ил' питыс), л'ув л'увыт нох ал'ымты мукырчис. Вотны нох ал'мым газета тата шик л'оул'им тушинг ики кур ил'пия сый сорны пол'ытса. Там хойны газета нох ал'емасы па Ленина шашимса.

— Владимир Ильич! — амытман л'ув увыл'ыс. — Товарищ Ленин! Газетаен ил' керыис!

Ленин нях сурны газета вусл'е, ош сох мильп хо пел'и сора каша ангкырмил'ыс. „Хота ма л'увыт вантсэм! — Ленин номыста питыс. — Па антом па шенгк хувын, тата, Смольныйны вантсэм“. Сята ов хоси л'ол'иман, сыйнга лопыс:

— Помасипо, л'ухыс хо!

Ошни сах л'омтым тушинг, вурты веншип, ун сэмып хо, ош сох мил энгхьсман, Ленин пел'и ёшл' шашимсыл'е и, номысман, ант сыйнга л'опыс:

— Помасипо, Владимир Ильич! Ма л'ил'ем ки мосматл' — л'ил'ем вуге! Помасипо! Сикиньси ма ясынг ант тайл'ым!

Ленин потыртым хо венша ямысшик ангкырмыс и ёшл' л'увел' шашымтыс.

... Ош сахынг, тушинг хо Смольный арка ил'пины хув л'ол'ис, хув л'ув вантыс кумрынг, сорым ёш патэл', ван, кул' л'уйл'ал'а, хув мол'ты ол'ынгны нумысыс, мол'ты ол'ынгны тыштыс, мосанг мол'ты номыл'мыс. Л'ув хосел'а кепкайны па ун пальтайны л'умтым няврем ёхтыс и, ёшл' пал'ыл' хоси понымтман, нёхмыс:

— Муй верман тата л'ольл'ин?

Ёхл'и ясынгны ант ёхыл'ман, лопыс:

— Вер такл'и муя тата л'ол'л'ин! Мана-са, ой-кале, л'ив амуй тох!

Ош сох мильп хо няххыл'ыс, пыва сэмыл'ны няврем пел'и ханирмыс и ант нурынга л'увыт иньсисмысл'е:

— Хотсат нанг вохл'ыин?

— Ма опрась нэем? — архынг турны похленгки ёхл'ы лопыс. — Ма опрасем, например, Нарумов. Сял'та муй?

— Нумман тайта питл'ем! Ям турсыйны ош сох мильп хо лопыс. — Опрасен ям! Нумман тае и ма опрась нэем: Горькушин Иван Степанович Псков эвыл'т. Мосанг кутэмынны мосматл'омын! Оинга па писинга ул'а, товарищ Нарумов!

Вол'анг ов эвыл'т картанг ов пел'и хонгхтып хуват ил' вохыл'ман, пира каремыс па шушты няврема охыл' ревемыман лопыс:

— Нарумов, л'ил'ен ал' шал'ита!

СТАЛИН ОЛЫНГНЫ АРИЙТЫ АРИ

(Дагестанска ари)

Мув питырхар киньси
Реп ухпат карысь,
А карысь реп киньси
Турым хар карысь.

А турым хар киньси
Нанг, Сталин, карысь,
Нанг карысятл'ен киньси
Нанг номсэн карысь.

Тылысь па хус киньси
Хатл' ёш мет нови,
А нанг номсэн, Сталин,
Хатл' эвыл'т нови.

Туп ал'ынг па хатл' мар
Нов хатл' ёш хутл'ыл',
А нанг номсэн ат мар
Па иситы хутл'ыл'.

Иса картыт эвыл'т
Нов этым мет так,
А нанг, родна Сталин,
Сит киньси па так.

Нанг турым хар киньси
Мет карысь паты,
Карысь реп ухтыны
Нэмен нанг тул'и.

И янас ёх номсыт,
Нанг номсэн киньси,
Ин карысь реп мирыт
Вана ант вул'ыт.

Хун нанг потыр яснген
Сив унта ёхытл',
Курык сэм хораса
Мирев сэм керытл'.

Нанг мутраинг яснген
Хоят ки хул'ыс,
Нумсыл'ны веккеша
Там яснген хасис.

Нанг унтл'тыпсэн сорни
Номса ки вуймал'
Л'ув вураинг л'ял'ьны
Исат нох питмал'.

Нанг унл'тыпсэн паты
Карысь реп мирыт,
Ин ухл'ал' ил' понты
Иса ант пал'л'ыт.

Нанг тунг юшен вантман,
Ар миллион ёх,
Самл'ал'ны амытман,
Нанг ювпен манл'ыт.

Си хо, хой нанг ювпен
Куш ий курым верл',
Л'ув сорыма кашасъл',
А ёхл'и ант кертл'.

ЛЕНИНСКА ШОП

(Белорусска моньсь)

Куртна кат йивпох ул'сангын. Л'ант хар хырсангын, муv сэм-йингкны шошмил'сангын, л'инан макыр хол'ымсангын. Нянь'ын и хот войл'ын л'ин эвыл'тэл'ын тасинг ёхны юрна нярэмасыит, и сит пата шаншин эвыл'т машикны сэнгксийнгын. Нушайны ул'сангын ивпохнгын антом па ий ол' па кат ол', кемынг антом муйкем ол'. Па л'ин пунгл'ел'ын ул'ым па ёх йивпохнгын кинься яма ант ул'сыт.

Па ёх ухтыя ропитта йивпохнгына нерата йис. Россия-матушка хуват ой каншта манта номыс версангын. Манл'ангын. Манл'ангын тылысь, манл'ангын ол'. Вантл'ангын: ун курт омысл'. Курт кутл'ыпны тасинг хо хот омысл', си хот пунгыл'ны кев вуськув омысл'.

„Сар.—номысл'ангын йивпохсангын,—л'онгл'омын сив, йинсисл'емын, хота шоп ул'л“.

Шушл'ангын л'ин курт хуват, а л'ин есял'тэл'ын пояр коляскайны йил'.

— Хой нын, хойенгын, хотся йил'л'ын . и муй канштыл'л'ын? — поярны йиньсьмисыйнгын.

Йивпохннын л'увел' лопл'аннын:

— Усмын мин шенгк нушая, атым ул'пысны, па юремын ант тармыс ситы ул'та. Манл'ымын шоп каншта. Миныт унл'та нанг, пояр хо, хота шоп ул'л'.

— Ям,—лопыс пояр хо,—шоп ма нынан памтыл'ем, туп сит пата нын манэм ий ол' ропитл'ытн. Кашасьсаннын йивпохсаннын.

Ропитсаннын л'ин, ропитсаннын: л'ант хар хырсаннын, муv сэмйингкны шошмыл'саннын. Ий ол' парыс. Тасинг хо хоси ёхытсаннын и лопсаннын:

— Унл'та миныт, пояр хо, хотсахат минэмын шоп уйл'тта.

— Си нынан каншим шопын,— пояр хо лопыл',— нуша ёха мунг ухтэва, тасинг ёх ухтыя, ропитта мосл'.

Йивпохсаннын полшинг л'яксыснын и ел'л'и шушмыснын.

Тылысь мар манл'аннын, ол' мар манл'аннын. Курта ёхытсаннын. Поп ики есял'т йил!

Йивпохсаннын л'ув хосел'а шушимсаннын и лопсаннын:

— Унл'та миныт, асем ики, хота шоп уйл'та.

— Сар,—поп ики лопыл',—ма нынан турым хон эвыл'т шоп поикл'ым, а нын сит пата ма хосянгем ий ол' ропитатн.

Йивпохсаннын кашасьсаннын. Ропитсаннын л'ин, ропитсаннын. Поп икия муv хырсаннын, муv сэмйингкны шошымсаннын. Ол' парыс. Йивпохсаннын поп ики хоси ёхыл'саннын, л'ув л'инын лопыл':

— Яма ропитал'н, турым ал' ёремал'н,—си нын шопын.

Йивпохсаннын полшинг л'яксыснын, ел'и шушмыснын.

Ёхытсангын л'ин сёрас ики хоси. Л'ув ким этыс, тасинг поп ики кинься, кул' пояр хо кинься кул'.

— Сар-сар—сёрас хо лопыс,—ма ныныт унл'тал'ым, хотя шоп уйл'та, сит пата нын манэм ропитал'н ий ол'.

Йивпохсангын кашасьсангын. Сёрас хо хоси ропитта питсангын, л'инан макыр хол'ымсангын. Сёрас хо л'иныт унл'тыс, хотысат веськат мир л'епыл'таты. Ий ол' па ант парыс, айпи йивпохыл' лопыл':

— Ант манл'ым ма па шоп каншта. Мув ухтыны шоп антом.

Керытыс л'ув ёхи, куртыл'а. А уныпи йивпохыл' вураинг,—шоп тохыл'пи ант кашасис ёхл'ы керытта. Атэл'т фабрикант хоси маныс.

Фабрикант, тасинг хо киньси, поп ики киньси и сёрас хо киньси па тасинг. Уныпи йивпох л'ув хосел'ны ропитта питс. А си фабрикант хо хоси ар ёх ропитыс.

Ропитыс л'ув ар ол'. Макыр хол'ымттыс, а шоп ант уйл'ыс. Ий пуш йивпох хусл'а потыр хул'мал'.

— Мув ухтыны ул'л' ий хо, мата хо шоп ул'. Си хо вохта—Ленин, л'ув ул' Питер вошны.

Си хо нэм така номыса вусл'е, л'увыт каншта маныс.

Ар хатл', мосанг па ар тылысь парыс. Питер воша ёхтыс. Вантл': рабочий йил'. Л'увыт хусл'а иньсь-мысл'е:

— Хотя тата Ленин уйл'та?

Рабочий иситы хусл'а лопыс:

— Манл'омын, ма нанген л'увыт памтыл'ем.

Ёхытсангын ал'комната хоси. Лакка арсыр книга ар.

Л'ин хосел'ына ий хо этыс,—сахыл' тынл'и, но систам, этыс и лопыс:

— Вуся ул'аты, л'ухыс ёх, муй ям лоптаты?

Потыртыс л'увел' йивпох, хотсат л'ув шоп каншис. Хув л'ув питл'ны Ленин потыртыс фабрика верыт ол'ынгны, нуша куртынг ёх ул'пыс йиньсисыс, сит ювпины лопыс:

— Фабрика шоп каншта манман, яма нанг версэн, тота сора кемынга верл'ен, хота шоп ул'л'. Шоп нанг ёшенны катл'ман тайл'ен.

Ситы потыртыс Ленин, хотсахат ропитты ёха шоп пата л'ял'иста мосл', ант ат ропитта лул'ын поярыт ухтыя, сёрас ёх ухтыя, фабрикантыт ухтыя, и хотсахат л'ивыт хон пил'на йира вошитта.

Йивпох фабрика керытыс и л'ухыс ёхл'ал'а Ленин лопым шоп потыртта питыс. Йи хо потыртл', янг хо хул'ынтл', янг хо потыртл'—сот хо хул'ынтл'. Ситы иса мув хуват манта питыс Ленин шоп.

Ар ол' си шоп янгхыс фабрикаит и куртыт хуват. Ропитты ёх и крестьяниныт нох ал'мыс. Октябрь тылысьны сёрыс яръянгсот л'апытхосьянгмит ол'ны там шоп этымыс, сыйинг турны иса мув ухтыны сасьта питыс. Ропитты ёх и крестьяниныт тасинг ёх и фабрикантыт есял'т л'ял'ьны эл'ымысыт. Л'ив Ленинны па л'ув мет ям пил'хоил'ны Сталинны л'ял'я тул'ыит. И ленинска шоп нох питыс.

Си пора эвыл'т ропитты ёх и крестьяниныт тасинг ёх ухтыя и фабрикантыт ухтыя ропитта ант питсыт, макрынга ант йил'ыт, сэмйингкны мув ант шошимл'ыт—л'ив фабрикайл'ал' ухтыны, мувел' ухтыны, ул'пысэл' ухтыны л'иви кусяя питсыт.

МОЙ-ХО

В. П. Малафьева: Л'авырт пора ус, л'ял'ь, няньшимыл' энмыс, нэмольты товар антом: ернасле и сит л'утты тахи антом.

Керосин тута ант питса, — куш вольсям вусита. Кулакыт, ант хун, л'ыв от тайсыт: мол'ты, антихрист порая йис. Иси кутны, мир хоси симысь номыс ус: я, куш мунгева интам иськи, л'ел'и, па патл'ам, а советска власть л'уви отл' вантл'ыл'. Л'ял'ь парыл', л'ыл'ынгмал'ув. Ма ин ант нумл'ем, муй эвылт ол'нгисыс, туп иса потыртта питсыт: я, хоты мунги ул'ыпсэв верта вуянтл'ув. Курков Сергей вох акытта питыс. Ий хо веритыс (эвл'ыс), мол'ты мунг ул'пысэв верты мошитл'ув, а кимыт хо ант веритыс. Кулакыт — л'ыв пенгк нэсырсыт. Ситы па мунги верев ёхтыптысэв. Машина сарая омсыптысув, хотыт эл'ты проволока тал'сув: интам тут вусемыл', мет вошны. Ма ант па нумл'ем, хой эвылт там вер маныс, туп потыртта питсыт: „Ленин мунг хосева йил'“. Кай, йивым-сйка, йина пел'ы Ленин! Тата тами интам номса янас сирны вул'и, а си порайтны хотсахат л'ув ол'нгыл'ны имет нумыссыт, л'ув мет хон юкана ус. Па ёх эвыл'сыт,

мол'ты л'ув мунг хосева ёхытл', а па ёх няхсыт: исипа, л'ув сит си л'авл'ыс, Кашиноя манта пата. Иси кутны л'авыл'л'ев. Марья Никитишна Кашкина эвыл'т хот вусы, хорамса, и л'авырт пора ус куш, но мир ал'тыл' хой сиськурекле, хой яблокыт, хой мис вуйе... Ма студень л'есятсым. Па ёх брага кавырсыт.

А. А. Ашмарин: Хол'на нумл'ем: ов хоси л'умыт сух эхытта л'унгкыт л'есятсув, па катра поран швейцара служитым хо сив л'оньл'исув, л'увел' парсэв, Ленин эвыл'т мил, сахл' вута, муйсирны вошитны верл'а.

В. П. Малафьева: Иса л'есятса, иса омысса, а л'ув исат антом и антом. Роман хул'мысэв: машина йил'.

А. А. Ашмарин: Роман хун. Мунг камын л'ол'ьсув. Хул'л'ев: курт том ол'ынгны нявремыт увта питсыт. Там Ленин машина овлэ пуншис, л'ув хосел'а нявремыт вохыл': „хота тата электрическа станция?“ А нявремыт: „Юпины, мунг нанген ал'л'ев““. Л'ув машина нявремыт омсыптыс, ёхытсыт.

В. П. Малафьева: Надежда Константиновна Крупская л'ыв пил'ел'а этыс, а там мунг швейцарев сив шушемыс и потыртл': „Си ямат вера л'онга, товарищ Ленин“. А л'ув: „Антом, эсл'ал'ын маныт, ма сам энгхысыл'лым“. Сахыл' энгхыста ант си эсл'ыс, л'ув сам энгхыссыл'е. Иса ёх л'ув хосел'а нях мусынгны и амытман йисыт. Л'ув ситы сэм ханьман, кашинг хоята вантл', кашинг хоят пил'а вуся верл'. Омыссыт. И ёх иса омыссыт. Ол'ынг верны л'увел' кружка брага тусыт, мосым, тынынг мойнг хоел'а. Л'ув кружка вусл'е, потыртл': „Хмелинг ант пел'и ул'?“ — „Антом, Владимир Ильич, хмельны ант понсэв““. Яньссыл'е, тушл'ал' монгхысыс: „Ям!“ Ма студенем л'увел' тусы. „Шенгк ун пуль“, — лопыл'. Иса л'ув пел'ел'а вантл'ыт,

па кашинг хо восял'тыл': „Кай, муйсыр л'ув ханнэхо хорасып хо! Ханнэхо пил'а яма ул' па потырта си кем самынг!“

А. А. Ашмарин: Потрыт ол'ынгны ма лопл'ым.

Нянь разверстка ол'ынгны потрыт ул'мал'. Ех потырсыт: мол'ты, кемынга антом, муйкем л'ант кашинг хо эвыл'т вута питл'ыт. Ант уты вер эвыл'т ям араты хоят л'ант харл'ал' аямл'ыт. Кемынга ус ки, ям ус л'ул'н. Сешкан антом, спекулянт ара йис, ханнэхо эвыл'т хоят сох нох хорта вуратл'ыт,—сит ол'ынгны иситы ёх потыртсыт. Ул'мал' и симись ёх, матотыт иса ханятыл'л'ыт: мол'ты, иса вер яма мантл', товарищ Ленин. А тами эвыл'т л'увел' самыл' атым: мунгев, лопыл', шоп вер уй'та мосл', а л'епыл'тыпсы ант мосл'. Па-ёх ям вер ол'ынгны и атым вер ол'ынгны тунга потырсыт, л'ув си ёх туса хул'ынтсыл'е. И сята потыр нямыка и хошма манга питыс. Л'ант хар ол'ынгны, л'ант верты ол'ынгны, мир верыт ол'ынны йиньсисыс. Тракторыт ол'ынгны, машинаит ол'ынгны ай кет лопыс: мол'ты, машинаит нупыта ёхытл'ув. Трактор и молотилка китта ал'ис. Сята етна йита питыс, уезда эвыл'т фотограф ёхтыс. Потыртл': „Товарищ Ленин, сора римхома йил', а ма заданья тайл'ым, нанг пил'ена мир снимайтта“. Иса ким пол'атсыг. Нявремыт актысьсыт, мет пел'нгаит. Иса пирысь икет и ун нявремыт, па ай нявремлэнгкет—Ленин хоси ванашик омыста вуратл'ыт.

Снимайтсаит, митинга мансыт. Нявремытны л'ув лапвусы, сыинга потыртл'ыт, а л'ув няхыл':

— Я, хотсахат? Интам турым закона унл'тыл'айты?

Нявремыт увл'ыт.

— Интам турым закон антом. И турым, акев-ики, антом!

Сит попытны верса, хув уптанг кулитны. Ленин си киньси па вера няхыл'. Митингны л'ув шимыл' потыртыс: л'ял'ь парл', нюлымл'ув ямамтл'ув, и ел'ли манл'ув. Йил'ып сирны л'ант хар верта, йил'ып сирны ул'ыпсы верта питл'ув. Мет вол'анг вер, — крестьяныт рабочийит пил'а ий пантны ат йисыт л'ул'ын, смычка така тайта мосл', а рабочийит и крестьяныт союзами симись юр, матот исаот верымтта и исаот верта мошитл'.

В. П. Малафьева: Иса ел'ли усл'е. „Труд, — потырл', — кенамтл'“. Там шоп вер анто хун? Куш путн вута. Юх похлэпны, арт ул'ыс, ревийсуб. А интам — том л'ыв, муйсыр машинаит колхозыт хуват манл'ыт.

А. А. Ашмарин: Л'ув мунгев трактор и молотилка сора курымны китыс. Хоты, антом С. Т. З. шоп, и антом челяба... а фордзон. Янас от си пораны ант ус. Мув хырта мунг том тракторны хырсув, а нумыссув: „Мунг л'ант харл'ува машина ант мустыл' Л'увел' мунг хосева ермат, межникыт торасл'ыл'ыт“.

Владимир Ильичны, яна, усы, мунг хосева межникыт пил'а вер тывыл'. Яна, тракторны хо номыс ал'ымл'а, и иса катра ул'ыпсы хомпылмыл'а. Хун л'ув мунгев ал'ис трактор кигта, сирны лопыс: „Китл'ым и ма па ий пуш ёхтыл'лым“.

Мунг л'увыт л'авыл'сэв.

А сял'та симись вер тывыс, — етн ол'ынгны ай кел' ёхтыс: „Владимир Ильич сорма йис“.

Патл'ам ус. Ханнэ-хоит мир хота актысьта питсыт. Лонгыл', милыл' нох вул', ох понл':

— А муй, ёх, шоп?

В. П. Малафьева: Имет ий кута актысьсыт. Па нэнгыт ант веритл'ыт: „Мосанг, шопынг анто, л'ув хол'на так ус“. А муйпа шоп си, хун Курков газета тус:

— Сорма питыс. Парл'ыл'ам нох л'ол'ьта. Арийта л'ангхал', а турл' рахынл'а, и ситы иса имет сялта питсыт...

А. А. Ашмарин: Мунг сята потырта питсув:

— Хоят Москвая китта мосл'. Постановитсэв Москвая Сергей Курков па Дмитрий Родионов китта.

Л'ын мансангын. А кулацка хинь-ёх па сив си вуратл'ыт л'ыв ворпотрел' муел'ны: „Йи-я, па йи-я, интам, мол'ты, советска власть йил' си кериил'“. Мир сята л'ыв пел'ел'а шенгк кулыгыс.

— Л'епыл'тыл'ты, вуршепты уксимыт! Симись вер ант питл', советска власть йил ант кериил'. Ленин антома йис, а л'ув пил'хоил'ны л'ув верл' ел'ли тул'и. Товарищ Сталин мунг сиртны хол'на пул'янга ант усэв. Усэв туп, симись хоят шангкапынга сит ул'.

В. П. Малафьева: Нэмомл'ты хотасы ант йис, кушкепа ар юх колесоита метшитса. Иса яма тывыс, и манта, и манта питыс! Колхоз юша этсув. Мунг хо-сева интам сот мол'тас трактор, па молотилкаит, па трепалкаит, па мялкаит. Породистаинг мисыт хол'ымсув... Сиртны мунг электрическа тут тохыл'пи л'увел' вантл'тыты от ант тайсув. А интам — хол'та сив. Летчикыт и инженерыт, и докторыт мир эвылт этсыт. Ма хосемны вет хил'ылэ и хол'иева унл'тыл'л'ыт.

А. А. Ашмарин: Ма куш хутъянг ол' тайлым, ма ол'нгемны лопл'ым. Ма обязательство вусым: ийхо-

сьянг центнер лен-пул'н энмыл'тыга, па ий тонна
семя мата.

Катра поран ки ма няха ал'ымсыим л'ул'ын: том
хоят сит тула йис. Ма вантты пата мув китсым и
рецептны китсаим: мува мосл' суперфосфат, фосфо-
ритна л'ант, калийна сол', хоим и селитра понта.
Ма иса хол'ымсым. Омысл'ам антом ий нартыпа
а пернапосынга. Ант мосты тапрыт хол'т маншисл'ам.
И ал'ьмем киньси па ар мас. Катра поран л'ул'н ше-
пан хора нэмытсыим. А интам нэмхоят ант дивовайтл'?
Ленин па Сталин мунг ул'пысэв ситы версэл'лын,
колхозна мир кашинг вер верта мошитл!

ЯНКА КУПАЛА

МУНГ СТАЛИНЕВ ОЛ'ЫНГНЫ АРЕМ МА МАНЛ'...

Мунг Сталинев ол'ынгны арем ма манл' —
И иса сам эвыл'т ма ям арем этл'...
И л'ант хар нэ исимись ари ин верл',
И пахарь па л'ант харны иситы кейл':

Шенгк тасинга, уна
Мунг мувев ин йис,
И юшев мунг кена
Па новия йис.

Мунг Сталинев ол'ынгны арем ма манл' —
И иса сам эвыл'т ма ям арем этл'...
И ёр куркыт сямпылны сасьта л'ув питл',
И кузнецны нахыйты молотны сасьл':

Куркыт-самолёты
Нох этымсыт ин,
И кузнец хол' лостыс
Ун шок эвыл'т ин.

Мунг Сталинев ол'ынгны арем ма манл' —
Л'ув хус эвыл'т этл' па хатл' ёш эвыл'т л'ув...
И исимись ари ин мунг мирев верл'
И, ропитман, л'аськама ариил' л'ув:

Л'ув сорненг ям закон
Мунг мирева мас
И иса мир яйсанг
Л'ув родная верс.

Мунг Сталинев ол'ынгны арем ма манл' —
Туп монья л'ув катыс па ул'ыма ус,
Но нанг юрен пата л'ув ул'ыпса йис
И катра йис ул'ыпсы антома йис:

Мунг куртл'увны интам
Сер новия йис,
И катра шок антом,
Л'ув монья ин йис.

Мунг Сталинев ол'ынгны арем ма манл' —
Л'ув онг па ям хатл'ыт ол'ынгны этл'
И ат, л'ул'ын тов сиськи арийты сый,
Л'ув па муv ёх тахытны сыинга сасъл':

И ертып ант вантман
Ма арем ат манл',
Фашистка тюрмаит
Л'ув рава ат верл'.

Н. ОСТРОВСКИЙ

ХОТСАХАТ ЭТЫП ЭТПАМЫС

(Роман эвыл'т)

Сёрыс йиръянгсот хус нял'мит ол' так иськин ёхтыс. Январь тылысь л'оньсьны порттым страна пел'и кантымса и кимит тылысьпелыкны шивынг вотасыт нох атмыс.

Нум-кев пелык карты юшытны пантыт л'оньсьны порттысаит. Атым турым пил'а иса юрл'ал'ны ёх вурасытысыт. Л'оньсь систамты этпынг буравыт, поездыта пант сисътамман, л'оньсь репыт ара рувытысыт.

Енгка ювым телеграф проводыт (карты кел'ыт) иськи па вотас эвыл'т ара тохсыт, катхосьянг линия эвыл'т ропитыс туп хул'ым: Индо-Европейска телеграф па кат тунг линия проводнгын.

Станция 1-ынг Шепетовка телеграф комнатаны хул'ым Морзе аппарат нох ант вол'ыйман потыртсыт.

Телеграфисткаит антом шенгк хувын сив ёхытсыт, слушитты ол'ынг хатл'ел' эвыл'т л'атынгыл'тым лентаел' хус километр хуваттыя ант йис, а л'ив ку-тэл'ны сята ар тал'-л'унг ропитты ики лентайл' хул'мит сот километрая керытыс. Л'ув лентаил' л'ив итангел' ант л'унгытл', л'авырт букваит ясынга керытл'ел'ны, веншл' мормынга ант верынтл'ыл'е. Л'ув ясынг

панны ясынҗ бланка ухтыя ханшил'. Аппарат л'атийты сья хул'ынтман, л'ув пал'ны хул'л'ыл'е: „Иса ёха, иса ёха, иса ёха“.

Телеграфист, ханшман, нумысл': „Ил'ампа па си вотас пил'а л'ял'исты ол'ынгны айкет китл'а“. Ишни тумпин вотас, ишни лиса вот л'оньсь тэмыл'. Телеграфиста сасьмысь, мол'ты хоят ишни си каклиил'. Ухыл' ишни пел'и каремысл'е, ишни пост ухты енгк хорамынҗ йишит пел'и вантта питыс. Нэмхойт ёш тамись хорамынҗ ханшит арсир липтыт эвыл'т верта ант мошитл'. Сив пел'и вантман, л'ув аппаратл'а хул'ынтта вол'ыйис и, хун сэмнгыл' ишни эвыл'т ёхл'и кертыс, лента ёш пат ухта вусл'э и ант л'унгтым ясынҗл'ал' л'унгытта питыс. Аппарат тамись ясынҗ мас:

„Январь тылысь хус ол'ынгмит хатл'ны хут сёсны ветъянгъмит минутайны...“

Телеграфист л'унгтымотл' паста ханшемысл'е и, лентаил' йил' ювыт'ман, ёш пат ухтыя ухыл' понымтыс и хул'ынтта питыс.

„Мол'хатл' Горкайны сорма питыс...“ Телеграфист айл'та ханшис. Нуптыл' хуват муйкем ойынҗ па шокынҗ айкел' л'ув хул'ынтыс, па хо шок, па хо ой л'увел' сыры ёхтыс. Сякыр, тохым яснгыта хувын нумыста вол'ыйс, л'ивыт хул'ман ант нумысман, муй ол'ынгны там яснгыт потыртл'ыт, нэпек ухтыя л'ивыт ханшсыл'е.

Ин хоят кепа си сорма питыс, мол'ты хоята там ол'ынгны ай си павытл'ыт. Телеграфист ол'ынгны лопым яснгыт ёремасл'е: „Иса ёха, иса ёха, иса ёха“. Аппарат л'атиис. „В-л-а-д-и-м-и-р И-л-ь-и-ч“, — телеграфист л'атинҗ сый ясынҗа керытсыл'е. Л'ув шимыл' л'уймым, шийтама омсыс. Хота-кепа мол'тсыр Владимир Ильич

сорма питыс, хоят пата шокынг ясныг там хатл' л'ув си ханшис, хоят шок хул'ман си сялемыл', там антом л'ув верл', л'ув — оса ул'ты третьяк. Аппарат точка, тире сэнгкыл', па точка, па тире, а л'ув там л'ал'инг сыит буква керытсыл'е и ол'ынг букваит нэпек ухтыя ханшсыл'е — там „Л“ буква ус. Там букваит юпины кимыт буква ханшис — „Е“, л'ув пунгл'ыл'ны „Н“ буква ханшис, утты тосл' кат пуш сюртэмысл'е, исикурымны „И“ буква л'ув хосел'а омсытмыс и хасим „Н“ буква л'уви рота ёшл'ны ханшса.

Аппарат пауза сэнгкыс, и телеграф хо секунда янгмит юкан мара ханшим ясынг пел'и анкырмил'ыс. Лунгытсыл'е: „ЛЕНИН“.

Аппарат хол'на каклиис, телеграфист роман л'ирынг нэм нумыл'мыман, номсыл' па си там нэм пел'и керытыс. Лув пайй пуш ювол'ынг ясынга анкырмыс — „ЛЕНИН“. Муй? Ленин? Сэмнгол'ны телеграмма иса текст кал'ымтыс. Камынса кем телеграфист нэпек лиса вантыс, и хул'ымъянг кимит ол' ропитал' мар, ветси ханшимотл'а ант эвтыс.

Хул'ым пуш ханшимотл' сэмны л'унгытл'е, а ясныг иса потыртсыт: „Владимир Ильич Ленин сорма питыс“. Икиле нох л'ол'имтыс: лента похыл нох ал'емыс и тусашик л'увыт пел'и вантта питыс. Кат метра хуват вась лента иситы сит ол'ынгни потыртыс, муя телеграфист эвыл'та ант мошитыс. Л'ув пивтыя хатсим веншил' пил'нэнгл'ал' пел'и каремысл'е и пакным турны увыл'ыс:

— Ленин сорма питыс!

Ленин сорма питым ол'ынгни ёхтым шокынг айкел' телеграф хот эвыл'т пушим оз хуват ким питыс и ун вот юрын вокзал хуват янгхта питыс, вокзал эвыл'т

ким питыс, и, вотас пил'а л'ил'ыл'ман, пантыт и стрелкаит хуват сойита питыс и потым иськи йилинг сурны пушман ул'ым карты ов-вус хуват депо хота л'онге-мыс.

Депоны ол'ынг ремонтна траншея ухтыны паровоз омсыс, л'ув кен ремонтыт верты бригадайны лекситса. Полентовский икиле траншея паровоз хон ил'пия сам л'онгыс па слесарита кашенг тахыл'ал' памтыс. Брузжак Захар колёсаит меныл'ым переплет Артем пил'а пайл'ыя версангын.

Л'ув Артемны нахиим решетка наковальня ухтыны катл'ыс.

Захар там тал'ыт мар пирсэмысы, вантым шокыл' веншл' ухтыны мал' мормыт хайс, а упыл'л'ал' вотэ-ма йита питсыт. Шаншил' кумранга йис, и л'ыпия л'онгым сэмнгыл' патл'ама катсынган.

Деповска овны хоят кал'ымтыс и етн патл'амны хотась пентыс. Карты нахийты сый эвыл'т ол'ынг увтыпсы ант сясис, но хун паровоз хоси л'ол'им ёх хоси ин хо вана ёхтымтыс, Артем ал'мым каврыл' йил' ант эсл'сыл'е.

— Л'ухыс ёх! Ленин сорма питыс!

Кавыр л'ангкыр эвыл'т айл'та йил' нёсымтыс, и Артем ёшны л'ув сыйл'и цементынг хотхара ил' эсл'са.

— Муй нанг лопсын?—Артем ёшны шокынг айкел' тувым хо ёшл' эвыл'т куншемысы.

Ин, л'оньсьны портым хо, л'ил'ыл' л'авырта л'ал'мыс', кимыл'та сыйл'ия лопыыс:

— Яна, л'ухыс ёх, Ленин сорма питыс.

И там хо кимыл'та ант увытмал' пата, Артем шокынг шоп касятсыл'е и ёхтым хо веншил' шивал'ыс: тами партколлектив секретарь ул'мал'.

Траншея эвыл'т ёх этсыт, хусл'а хул'ынта питсыт си хо сорма ювым ол'ынгны, хой нэм иса мирны ул'ы.

А карты ов пунгыл'ны, иса ёх пакныптыман паровоз увтыс. Л'ув сыйл' пел'и вокзал питырны увтыс кимит паровоз, хул'мит... Л'ив тревогайны тэкным и так ув-сыйл' электростанция шрапнель иты манты сыинг вась-хув гудок пил'а л'ил'л'ыс...

Паста янгхты хорам паровоз „С“ - Киева манты л'есытым пассажирска поезд, — лув систем патырах сыйил'ны л'ив сыел' лап сэнгкса.

ГПУ агент ант л'авл'ым вер эвыл'т пакныс, хун Шепетовка эвыл'т тунга Варшава унта янгхты польска паровоз машинист, тревожна гудокыт ол'ынгны иньсисман, минута кем хул'ынтыс, сял'та айл'та ёшл' ал'мыс и карты сэвыр ил' тал'ыс, матотны гудок клапан пуншса. Л'ув усл'е, что хасим пуш гудок мас, что л'ув там машинаны слушитта ант питл', но ёшл' карты сэвыр эвыл'т ант эсл'сыл'е, и л'ув паровозл' увты сый купе нямык диваныт эвыл'т пакным польска курьерыт и дипломатыт нох ал'мыс.

Депо ёхны тэкмыл'тысы. Л'ив иса нял' ов вус хуват л'онгсыт и, хун ун хотшиви мирны тэл' л'онгса, траурна машья кутны ол'ынг яснгыт этсыт.

Шепетовка окружком партия секретарь, катра большевик Шарабрин, потыртыс.

— Л'ухыс ёх! Иса мир пролетариат вождь Ленин сорма питыс. Партия ун л'авырт шокны ёхытса, сорма питыс си хо, хой верыс и энмыл'тыс большевистска партия, врагыт пил'а ант ямасоман л'ял'исман... Партия и класс вождь сорым пролетариат мет ям ёх мунг кутэва пилтасыты вохыл'...

...Траурна марш сыймыл'ыс, ёх милл'ал' нох вусл'ал', и Артем, ветхосьянг ол' мар ант сялыс, ин хул'сыл'е, хотсат сял'-йингкыл' ванамыс, и юрынг л'ангкыргыл' торемыснгын.

Кал'ыс, л'ул'ын карты юш клуб питрыт ант мошитл'ыт пакта' хоятны тэл' л'онгым эвыл'т. Камын шенгк иськи; ов хоси л'ол'л'и ун нувып кат хут л'оньсьны лап тусыйнгын и енгкны потсыйнгын, но шангка ал'л'им голландска кур эвыл'т и партколлектив траурна мир хота ёхтым хутсот ёх л'ил' рув эвыл'т залны ант пакты кем шангк.

Залны рома омыссыт, ант потыртсыт. Ун шок мир сый ромам'тыс, ёх хусл'а потыртсыт, и шокынг тревога антом па ий сот ёх сэмны кал'ыс. Кал'ыс, мол'ты ун хомпылны сёрыса тувым тутынг-хоп самынг штурманыл' уштыс и тутынг хоп мир тата актысис.

Бюро членыт па иситы шийл'ама президиум пасан вутпия омыссыт. Ун тангрын Сиротенко рунгхансип айлта нох ал'мыс, ёша тянгыл'л'емысл'е и пасан ухтыя понсыл'е.

Сикем сый морт кема ус, и залны сясим мир сый иса лап маныс.

Иси курымны доклад юпины партколлектив секретарь Сиротенко нох л'ол'ис. Сит, муй ол'ынгны л'ув лопыс, нэмхойт пата пися ант ус, куш траурна заседаниены ситы ант куш ул'л'ыс. А Сиротенко лопыс:

— Мол'тарат кем рабочий, хул'ымъянг хо ёш посны поным заявлениел' вантта заседание вохл'ел'. И л'ув заявление л'унгытсыл'е:

„Вождев сорым большевикит кута мунгыт вохыл', и мунг заседание вохл'ев мунгыт артал'ыта и Ленин партияя мунгыт вута“.

Там ван яснгыт ил'пины ёш посыт л'ол'ьсыт.
Сиротенко л'ивыт л'унгтыс, и, акмым ёха л'ирынг
нэмыт нумыл'мыты ком маты пата, кашинг ёш пос
хоси секунда кем роныс.

— Полентовский Станислав Зигмундович — паровоз машинист, хул'ымъянг хут тал' мар ропитыс.
Залны кашасьты сыит сясьл'ыт.

— Корчагин Артем Андреевич — слесарь, л'апыт-хосьянг тал' мар ропитыс.

— Брузжак Захар Филиппович — паровоз машинист, хус ий тал' мар ропитыс.

Залны сый этымыта питыс, а пасан хоси л'ол'им хо опрась нэмыт л'унгтыс и залны омсым иса мир карты-мазутна рот ёх нэмыт хул'ынтыс.

Залны вол'л'и хусл'а йис, хун опрась нэмыл' ол'ынгны л'ол'им хо пасан хоси ёхтыс.

Нуптыл'мар ул'ым ул'пысыл' ол'ынгны потыртмал'ны, Полентовский ики самыл' рома тайта ант мошитыс.

— ... Муй па сит киньси манэм, л'ухыс ёх, лопта? Катра йис пораны хасьпа иса рабочий мир ий сирны ул'ыс. Шокны нёрытман усув и пирсэмымэвны нушая ул'ман хал'сув. Муй верта, яна лопл'ым, хун революция ёхтыс, ма маныт пирысь икия л'унгытсэм. Семейем л'ангкыргыл'ам ухтыны омсыс, и сиртны партия л'унгты юш сыршик ант шивал'ысэм. И туты л'ял'ьны врагыта нэмхунты ант куш нётсым, и л'ял'иста па морткема ант л'ял'иссым. Яръянгсот ветмит ол'ны варшавска мастерскаитны забастовочна комитета пиррийман усум, и большевикыт пил'а ий юш хуват мансым. Си поран энимты хо усум па самынг усум. Муй катра йис ал'ьсита! Ильич сорымны ма самем

эвыл'т хатсисым, мунг век кеша л'ухсэв и асэв уштысэв, и пирсемым ол'нгемны лопты ясынг ин ма ант тайлым. Хорамынгашик потырта хошты хо ат потыртл', ма ясынг пел'и ун сам ант тайл'ым. Туп ий сит ястыл'ым. Большевикыт пил'а ма ий сир юш тайл'ым, па сир юшны ул'та ант мошитл'ым.

Машинист вотэм ух юрынга нохты нёхтыс, и вотэма ювым сэм пунл'ал' мухты зал пел'и така вантта птыс, хол'та сат л'ул'ын решение л'автыс.

Там вотэм ухып л'ел' хо партияя ант вуты пата нэш ий ёш па нох ант эл'ымыс, и, хун беспартийна ёх яснгел' лопта бюроны вохсыит, голосовайтым артны ий ёш па ант ал'ымман ант хасис.

Полентовский пасан пось эвыл'т коммуниста ювман йира шушмыс.

Залны омысты кашинг хоя ошинг ус, там сит ун вер манл'. Машинист л'ол'им лота, интам Артем иса карсятэл'ны л'ол'имтыс. Слесарь ант усл'е, хол'та ёшнгыл' понымта и пал'ынг млыл' пусырта птыс. Вусынг кимтып ош сох тулупыл' ант похлыпман ус, — а кат патрых похыл'ны метшим солдатска ернас л'умытман, слесарь хо система кал'ыс. Артем веншил' зала каремысл'е.

— Нанг биографияен, Артем, лопа. — Сиротенко тур сый сыймыл'ыс.

Ул'пысыл' ол'ынгны Корчагин потрыл' л'авырта этыс, ун мир хотны потыртта ант унтл'ыс. Туп ин оша вусл'е муй нуптыл' хуват акмымот иса ястыты ант мошитл'. Ясынгл'ал' вураны этсыт, па хол'на л'осьты сам потыртта торастыс. Нэмхунты л'ув тамись от самыл'ны ант хул'ыс, л'ув интам яма усл'е, что л'ув ул'ыпсэл' па сирны керл'ыс, что л'ув — Артем — хасим

курым сит пел'и верл', матотны л'ув л'авырт-шокынг ул'ыпсэл' хошмытыл'а и кена верл'а.

— Ангкев хоси мунг нял' хоят усув, — Артем ол'нгытсыл'е.

Залны шитам. Хутсот хо курык нёл'ып и пивты сэмпуни ил'пи эвыл'т вантты сэмып карысь мастер хул'ынтл'ыт.

— Ангкем поярыт хоси кухаркая ус. Асем шимыл' нумл'эм, ангкем пил'а л'ув ямыс ант ус. Л'ув шенгк ар вына яньсис. Мунг ангкев пил'а ул'сув. Си арат хо л'апытта л'увел' л'авырт ус. Тылысь мар л'увел' поярыт нял' шоит сохыптасыт, и ропитыс ал'ынг хуньтл' эвыл'т сёр атл' унта. Кат тал' ол'ынг арт школайны унтл' тыл'ты ой тай'сым. Ма л'унгытта па ханшта унл'тысыем, а хун янгмит ол'ем ёхтыс, ангкем ел'ли пакты сёмыл' ант тармыс и ма слесарна мастерская ученик сира массым. Хул'ым ол' мар мит вох такл'и усым, туп л'апытсаим...

Мастерскайны куся хоя немец ус, опрасьл' Ферстер. Ол'лам ая ул'мал' пата л'ув маныт вута ант куш л'ангхал'ыс, но ма йимынг няврем усым, па ангкэм манэм кат ол' нётыс. Там немец хоси ма хул'ым ол' усым. Ремеслая ма ант унл'тысыим, а кусяем вер верты партыл'саим и вына тул'та китыл'саим. Вына л'ув шенгк ар яньсис... Карты па ловым ал'литы партыл'саим... Куся нэнгемны холопа версыим: аны л'ёхыл'сым, картошка систамтсым. Кашинг хо маныт курны шонгсыты вуратыс, ванкутл' вуноват такл'и—ситы л'ив унл'тысыт: кусянэнгева мол'тын ант рахл'ым—л'ув икел' вина ар яньсим пата иса ёх пел'и кантынг ус—веншем хуват ий-кат пуш польсыхымл'ыл'л'е. Л'ув эвыл'тэл' ким ки хонтл'ын, хол'

та манл'ын, хоя шокен павытл'ен? Ангкем нял'ьянг верста кемны ус, но и л'ув хосянгел' ям ул'пыс антом... Мастерскайны иситы ям от ант ус. Мастерскайны иса вер туса кусаем апсины. Там куль ма ухтэмны нях вер верта люпитыс. „Туве, —лопыл', — манэм том карты шуп“ —и л'уйны кузница горн ол'ты сунг пел'и памтыл'. Ма тохи манл'ым, карт шуп ёшны куншемыл'ем, л'ув каврым, ветси тут эвыл'т нох тал'са. Мув ухтын ол'л'ал'ны пивтыя кал', а куншемал'ен — л'уйл'ан каврым картыя сив ханл'ыт. Каши эвыл'т увл'ын, а л'ув няхман л'ов иты энгесл'. Тамись ул'пысны ул'та юрем ант тармыс, ангкем хоси хонтсым. А л'ув маныт л'апыл'та ант мошитыс. Немец хоси маныг пира тусл'е, а тувмал' мар иса сял'ись. Ул'мем хул'мит ол'емны слесарна вера еша унл'тыты питсаим, сэнгкта иси кем сэнгксыим. Ма па хонтсым, Староконстантинов воша мансым. Там вошны колбаса верты мастерская митасьсым и кимыт ол'шуп мол'тас, сул' л'ёхытл'оман, тата амп шок тусым. Кусяев иса пормысл' кисыра кисырсыл'е и мунгев нял' тылысь мар ропитмев пата ант сохыптыман, хол'т-петы маныс. Ситы ма тал'та сат сохынтысым. Поезда омыссым, Жмерина ёхытсым и ропота каншта питсым. Помасипо ий деповска хоя, л'ув самыл' шал'я питыс ма пел'ем. Слесарна вера еша хошты верем хул'ман, ма патангем, л'ул'ын хил'ел' пата, начальство поикта питыс. Карсятэм хуват л'апытхосьянг ол'ны понсым и слесаря нётты хоя ропитта питсым. Тата ма яр'ьянгмит ол' ропитл'ым. Катра йис ул'пысэм си, хотсат тата ул'лым нын иса ул'етн.

Артем милылыны веншил' монгхмысл'е и л'авырта л'ал'мыс. Хол'на па мет вол'анг вер ол'ынгны, мет

л'авырта ул'ты вер ол'ынгны, лопта мосыс, мосыс лопта па хо эвыл'т вопрос ант л'авытман. И, сэмн-гыл' вась хула ханьман, ел'ли потырта питыс:

— Кашинг хойны ма иньсьмыты мошитл'аим: си поран, хун революция тут вуситыс, муя ма хол'на большевика ант ул'л'ым? Муй ма тамия лопл'ым? Ма хоты хол'на ай и пирсемыл'ем унта хол'на хув, а сив манты юшем туп там тал' уйтсэм. Муем ма сята ханятта питл'ым? Мунг там юш сэм эвыл'т луттысэв, мунгев хол'на нивыл'хусмит ол'ны, хун немцыт есял'т бастовайтсув, ол'нгытта мосыс. Жухрай, матрос, мунг пил'евны антом па ий пуш потыртыс. Туп хусмит ол'ны ма винтовкая вуянтсым. Каврым пора парыс, белогвардейцаит Питы сёрса ювытсыл'ув, ёхл'и мунг керл'асув. Сята па семья, нявремыт... Хот ул'пыса ма л'ил'л'асым. Но хун мунг товарищ Ленинэв сорма йис и партия ай павтыс, ма ул'ыпсэм пел'и анкырмысым и оша версэм, муил' л'ув ант тармыл'. Властев вантман тайта шимыл', иса семьяевны Ленин юкана л'ол'ьта мосл', ат л'ул'ын советска власть карты реп иты така л'ол'ьл'. Мунгева большевикыта йита мосл' — сит хоты мунг партияев?

Кена, но иса самыл' эвыл'т этым яснгытны, нэм-хунты ситы ант потыртмал' пата, еша ел'емтман, слесарь потыртта вол'ыис и, л'ул'ын л'анкыргыл' эвыл'т л'авыртот хол'т воськыман, иса карсятэл'ны л'ол'имтыс и вопросыт л'авыл'та питыс.

— Мосанг, хой мол'тты иньсиста л'ангхал' — Сиротенко нёхмыс.

Ёх кул'ал' нёхл'ысыт, но зал эвыл'т сора потыр ант этыс. Тунга паровоз эвыл'т мир хота ёхтым хомылха тампи пивты кочегар сыинга лопыс:

— Муй ол'ынгны л'увыт иньсиста? Муй мунг л'увыт ант хун ул'ев? Мата л'увел' путевка, -и веретшис!

Ун, ропота эвыл'т и тут эвыл'т вурта ювым л'уынг—сомынг кузнец Гиляка тур-хар сыип ясынгны нэхмыс:

— Тамись хо йира ант манл', так товарища ул'та питл'. Сиротенко, голосовайтэ!

Ёхл'и ул'ты ёх кутны, хота комсомолецыт омыссыт, ий хо патлам кутны нох л'ол'ис и иньсьмысл'е:

— Товарищ Корчагин ат лопыл', муя л'ув шоши мувыл'а омыс и ант пел'и л'ув крестьянствовыйне пролетарска психология эвыл'т йира тул'и.

Залны там ясныгты ант кашасьты сый сыймыл'ыс, и хоят сыинга нэхмыс:

— Кемынга потырта! Уйтсын, хота вер такл'и увта...

Но Артем потыртта питыс:

— Анто, л'ухыс хо. Там пох шопынга потыртыс, ма шоши мува яна сит омыссым. Тами ена, тами эвыл'т ма рабочий номсэм ант тарыптасэм. Там хатл'вуш эвыл'т там вер хай'ем. Семейем пил'а депохоси ванашик касл'лым, тата вер тунгшик. Мувухтын омысман манэм ям антом.

Хол'на па ий пуш Артем сам сяримтыс, хун л'увунт юх иты л'ол'ьты ёшит пел'и ангкырмыс, и, эл'сох л'аврыл' ант хул'ман, шаншил' мокрынга ант верман, омыс лотла шушмыс. Ювпел'ны Сиротенко сыйл'хул'сыл'л'е:

— Единогласно.

А. ТОЛСТОЙ

НЯНЬ

Иван Гора петроградска заводыт делегатыт пил'а хув пасан вутпины, народна комиссарыт Совет хорамынг па сыйлы кабинетны омсыс. Ишни кимпин — московска галкаит, самл'ал вохман, кремлевска тыинг стенаит нумпин сэвййсыт. Хорамынг сыйлы кабинетны, нэпек листыт вонсимот хорасып нуй ухтыны понманыт, чехолынг ул'асыт омысл'ыт, айл'та стенна часыт л'ёсыйтыт — иса тами делегатыта мустыс, — тата советска власть така омсыс.

Владимир Ильич л'онгыс, иси си катра таим сахленгкел'ны, мунги хоев, ал'хо. Пунгыл' овленгки эвыл'т л'онгыс, и овленгкел' исикурымны юпел'ны пенсыл'е па томанны лап пертэмысл'е.

Ван потырны вуся верыс. Иса нох л'ол'ьсыт.

— Омсаты, омсаты, л'ухыс ёх! — Л'ув пасан ол'ынгны дуб юх эвыл'т верым шаншинг ул'ас ухтыя омсыс — ул'ас шаншил' л'ув киньсянгел' карысьшик. Рупитты ёх мормынг, кантынг веншит вансыл'е, па л'ув хус л'ампи ай сэм кевып восты и систем сэмнгыл' сирны ошинга йис, мол'ты л'ув мустым вывод верыс. Иван Гора шивал'ман, венш сохыл' нох

нѣхтыс. Иван Гора, уны унгл'ыл' ий пал'л' эвыл'т кимит пал'л' унта тал'ман, няха восил'тыл'ыс.

Владимир Ильич шанш ухтыны ол'ым портфель эвыл'т иса ханшим нѣпекие ким тал'ыс, л'увыт л'уг ел'пел'а понсыл'е и па охыл' нох ал'ымсыл'е. Л'ув веншл' вотэм ул'ыс, мет кашитым ювпин.

Делегатыт хусл'ы л'ув пел'ел' вантсыт, па ёх, ел'пин омсым хоят л'ангкыр эл'ты сапыл'л'ал' тал'ман, л'ув пел'ел' вантсыт. Ар хоят Ленин ветси ситы ванны вантсэл'. Л'ыв л'ув хосел'а Кремляя шопынг нушан ёхытсыт: Петроград л'ел'и омсыс. Интам курт вох пата па л'ант ант мас. Л'ел'и нуша ул'ыпсаны пролетарска суим антып кел' иса такашик тал'са.

— Потыртаты. Нумыста питл'ув — муйсир этыпсы уйтта мосл', — Владимир Ильич лопыс, и па си, венш сохыл' нох ал'ыман, Иван Гора пел'и ангкырмыс. — Мув ухтыны ант верымтты от антом.

Иван авшимтыс: „Нумл'ыл'е!“ Ел'емса, и Владимир Ильич пел'и вантман, пал' эвыл'т пал' унта унгл'ыл' тал'ман, ант няхта ант мошитмал' пата, — веншил' вурта хатсис.

Ленин пил'а ий пунгыл'ны омсым пирысь депутат, ёшнгыл' нѣпек лис ухтыя понман, потыртта питыс:

— Владимир Ильич, ул'ыпсэв шенгк атым. Л'ел'и омысл'ув. Пакл'ув, такамтыл'л'ув, пролетарска свободаев ант тыныйл'ев. Ант паканл'ув: л'ант етшиты унта хол'на хул'ым тылысь, а л'еты нѣмол'ты антом, нявремиет товин сорма йита питсыт. Владимир Ильич, шал'ь. Имет вевл'и питсыт. Л'етот туп ул'ымны ул'мийл'ев.

Кимит депутат, утынг л'ангкрып новгородска хо,

питышик и хорамынг, пивты упытл'ал' венш-л'увыл' ухтыя керийсыт, нэм хоят пел'и ант вантман, лопыс:

— Осьмушка аратны петроградска районуыт кат л'апыт мар пакты хол'на мошитл'ыт. Кат л'апыт эл'ты хал'та питл'ув. Заводытны хота шуп арат, хота и аршик рабочий л'ял'ь ул'ым артны маныс. Мунг л'ывыт, ил'ампа, и ант шал'итл'ыл'ув: Пролетарска пельк хасис. Но л'увыт мосл' л'апытта...

Па депутатыт, ант тэрмал'ыман, ошинга потырсыт л'ел'и омысман шокасты ол'ынгны, си ол'ынгны хотсахат частникыт партл'ыл'ак нянь верта, сот арат процент припек мийман: „Л'ивыл' симись сел' няр нянь, Владимир Ильич, куштэл'ны л'увыт амырл'ен, и си уксимот осьмушканы туп мал'ув“.

Продовольственна управаит вевл'ия ропитты ол'ынгны потырсыт, хота иса тахытны л'ел'и омысты вер нэман верты ёх уйтл'ын. Заводытны — па артны сята, па артны тота л'ик этымитл' и полысь туты ёх ропитл'ыт; ий полысь туты хо войтл'а, л'ув юканыл'а-кат хоят. Продотрядыт организованна ант китыл'л'аит, ванкутл' л'ыв хосел'а иси полысь туты ёх л'икмытл'ыт, л'анты хырыт л'ыви пал'ангел' тул'ыт, а мир хотытны, отчет верл'ел'ны, хол'тыл'ыт, мол'ты нэмолт'ы хотымты ант мошитсыт...

— Владимир Ильич, пример пата, — Иван Гора хул'тымал' ювпин лопыс. — Мунг хосевны заводны партийна коллектив секретарь товарищ Ефимов хась вел'са, вураны нох си вусэв си вер эвыл'т... Роман литейна цехны — митинг верса. Муй вер? Сый, ув: „Ефимов хотны — л'ант па сакар ул'“. Па ситы увл'ыт, ситы кантымсайт, ант веритта ант мошитл'ын...

Ма ванл'ем вер атым, — сора телефон хоси шушемы-
сым. Ефимов си пулянг ёл'ын ус. Ма л'увел'—хусл'-
ыя, ёхны ант ат хул'ла л'ул'ын: „Мана“. Л'ув йил'па
иньсисъл'ал'е. Ма — кимитта: „Мана“.

Л'ув няхыл':

— Я, хол'та манта?

Ма л'увыт партл'ем: „Мана“.

— Хой потыртл'?

— Иван Гора, — потыртл'ым. — Нанг хосена завод
мир йил'.

Лув си вер оша версыл'е. Ёхл'ы потыртл':

— Муя сар л'ывел' трудитыл'та, ма сам л'ыв
хосел'а ёхыл'ым.

Литейна цеха ёхтыс. Самынга л'онгыс, вантл'—
тут иты кутыратл'. Манэм си ювпин потыртыс: „Ухем
ма карся тайсэм, а вур л'ерлам л'ипины катэм
нох кавырмыс“. Лув ёхны шивал'ысы, увл'ыт: „Спе-
кулянт! Мис вой л'ел'ын!“ Лув хосел'а вуратл'ыт, —
си-си-вел'ла. Лув л'ол'ыл', ёшл' нох ал'ымсыл'е, л'а-
выл'л', хун рома йил'ыт.

— Яр—рома потыртл'. — Муй увтаты. Томан там. —
И хотл' эвыл'т ул'ты томан самыл' этл'оман воськысь-
л'е. — Манаты, хотэм каншаты. Мол'ты нянь сунгие
уйтаты — манэм сиртны сорым. Манаты, ма л'авл'-
ысл'ым.

Хускем хоят маныс. Лув л'ол'ыл', хонгхса куш-
мыл'тыс.

Ин ёхл'ув ёхл'ы ёхытсыт, ухл'ал' ил' эсл'сыт,
л'ывел' л'ув сэмнгыл' пел'и ванты ел'ем.

— Уйтым отэв си, — потыртл'ыт, — и хишамл'ым
сосым нянь шуп ванл'ыл'ыт... Лув сята иси
курымны кашингашик йис:

„Кеманга интам версэты, — л’ант, сакар, ма хо-семны антом... Интам сарувым ёх хоси каншта пит-л’ув’...“ Па Васька Васильев пел’и шашл’е, мата хоят кат хатл’ кемны продотряд пил’а ёхтыс и сэм йингк шошмыс. Мунг Васька пел’и: „Туве мунгыт, вантл’тэ муй тайл’ын“.

— И л’ув хосянгел’ уйтсыт? — сора Ленин иньсь-мыс.

— Антыхун... Л’ант па сакар, па кухняйны коза йирман ус. Л’етотыт па козел митингая оритсаит. Ёх кантымсаит. Мет ун л’ик коза эттыс. „Тами,—увл’-ыт,—иса мир ел’ем!“

— Ситы, ситы, ситы,—потыр ясынга ант ху-л’ынтман Ленин нёхмыс.—Ситы, л’ухыс ёх. Интам манэм ясынг мияты...

Депутатыт лопсыт: „потырта“...

— ...Ай тувман вера ант нётл’ын... Странаев вевл’ия йис... Странаны л’етот антом... Шок рабо-чийит и нуша ёх ова сэнгкасл’...

Ленин ол’ынгны ант сыинга потыртта питыс. Мевл’ыл’ пасан хоси нёрытсыл’е, ёшнгыл’ны шанш ухтыны портфель катл’ман таис. Депутатыт, ант нёхесман, л’ув атма ювым, востыяшик хатсим веншил’ пел’и вансыт. Стена час ант тэрматман тялымтыс...

— ...Иса ёх л’иви патангел’, л’иви заводел’ пата нянь хол’ымтта вуратты вер — туп иса вер шакыл’-тыл’. Тами нэмолт’ыя ант патмыл’... А си кутны странаны л’ант ул’...—Л’ув ел’пел’ны ол’ым нэпек лисны ханшман ул’ым цифраит л’ув сэмнгыл’ны туве-мысл’е.—Иса хоята л’ант тармыл’. Л’ел’и омысл’ув мунг антом па нянь антом пата, а си пата, что

буржуазия мунг пел'ангев хасим л'ял'ьл'ны этымыс...
Буржуит, куртынг тасинг ёх, кулакыт, нянь монополия
так тыныт шукатл'ыт. Л'ив иса сир атым верл'ыт,
муины рупитты ёх власть шукатта мошитл'а... —
Л'ув ухыл' нох ал'мыс па кантынга лопыс: —
ропитты ёх власть шукатта л'ангхал'ыт. Симись
власть, матот вуратл' верта социализм ол'ынг вер:
„хой ант ропитл', си хо ант л'ел'...“

Л'ув еша роныс, потыртта питыс:

— ... Россияны ул'ты хоятыт ярсот процент мир
там пайл'ы верны кашасьл'ыт. Л'ыв хосянгел' социа-
лизм основа, л'ув юрл' ант хол'аты источник, ант
хол'тыты отнгыл'унты ул'ты победа.

Л'ув стул ел'л'и нёхтысл'е, портфель ил' поныс
па ел'лы потыртта питыс ин л'ол'ьман, па артны
пасан пунгыл'ны морткем курым верман:

— Там хатл'ытны ма нынан письма ханшта вут-
сил'ым, питерска товарищит. . . Питер — антомпа Рос-
сия, — питерска рабочийит там ай пелкие иса Россия
рабочийит эвыл'т. Но л'ыв — мет ям ёх, мет созна-
тельна, ел'пин манты ёх, мет революционна ёх, рабоча
класс мет так отряд. . . Хоты интам, хун мунг рево-
люцияев социализм верты практическа задачаита
ванамыс, интам мет вол'анг вопросны — л'ант ол'-
ынгны—туса кинси туса вантл'ев карты революционна
власть мосты вер — пролетарска диктатура такамты
вер. . .

Л'ув тами жестны такамсыл'е — пасан хоси омсым
ёх пел'и ёшл' шашимсыл'е, машкыл' пасирмысл'е,
мет революция тэтпов кел' вунгырман. . .

— ... Хой ант ропитл', си хо ант л'ел'. — Хот-
сахат тами ул'ыпсыны верта? Ошинг, мет турым

хатл', — мосл', ол'ынгны государственно монополия... Кимыл'та, мол'тас л'анта мосл' мет так учет и л'увыт рахты сирны ара тута... Хул'митта — нэмольты сир преимущества тасинг ёха ант мийман, иса л'ант гражданыт кутны ийкемны орта — пролетарска государства контроль ил'пины.

Л'ув вев понманлангкысым портфель томан пуншта нарымтыс. Сэм вася верман, сёс пел'и ангкырмыс...

— ...Шенгк ям... Нын потыртл'ыты: нял'ьянг сёрыс Путиловска заводны ул'ыс. А л'ув эвыл'тэл' уны пелык „временна“ рабочиит, ант пролетарийит, ант эзыл'ты кем ёх, вевл'ам ёх... Интам ветхосьянг сёрыс хасис. Ситыт пролетарийит хасьмел', л'ял'ьны вантым па такамтым ёх...

Революция симись авангарда (ух туты ёха) и Питерны и иса странаны мосл' увытта ув, мосл' мирны эл'ыматы... Лувел' мосл' ута, л'ув ёшил'ны ул' страна л'авл'ыпсы... Рахыл' верта велика „крестова поход“, спекулянттыт, кулакыт, мироедыт, дезорганизаторыт, взяточникыт есялт'...

Депутатыт интам пасан хоси ант омыссыт. Л'ув ёшл'ны тувемыман л'ивыт куртыя ал'ымсыл'е, и л'ыв Владимир Ильич лап вусэл'. Иван Гора тунга л'ув шомаил' л'ол'ис, нумыл'та ил'л'ы пел'и ара тал'ым сэмны л'ув так яснгыт, така ким тахым унгл'ыл'а вантыс...

— ...Туп ий унтл' эл'ымыты ел'пелык рабочийитны страна и революция л'ил'л'ин этл'тыты мошитл'айнгын... Янг сёрсыт ел'пелык, л'ял'ьны така л'ол'ыл'и пролетарийит мосл'ыт... Симорта сознательна ёх мосл', ат л'ул'ын л'ив иса вер миллионыт нуша ёха л'ерамсэл' и там миллионыт нуша ёх ух туты ёха ат л'ол'ьсыт л'ул'ын... Сикем так ёх мосл', мата ёх л'ив

кутэл' эвыл'т пунгл'а ювытсыт л'ул'ын и мосмытл' ки, вел'сыт л'ул'ын симись ёх, хой'ёврая манл'-ул'л' ыт спекуляцияны хусим ёх... Сикем так ёх па революция вер пата иса юрл'ал'ны л'ол'л'и ёх мосл', мата ёх' „крестова поход“ иса л'авырт шок пакта мошитсыт л'ул'ын.

Мол'ты кем хатл' мара героизм этл'тыты киньси тами верта л'авыртшик. Революция ел'л'и манл', унамтл' и энмыл'... Хуватэл' и пататэл' пел'и л'ял'ь энмыл'. Нянь и ал'л'иты от рахты сирны эсл'ты вер, л'иньт хотымты вер и арамты вер, так учет и рабоча и иса государственна контроль — там нэмасий па вол'анг социализм верыпсы... Там антом па „обща революционна“, а шангкапынг коммунистическа задача...

Л'уйл' нох ал'емыман, Владимир Ильич тами кимыл'та потыртсыл'е, и сэм кевнгыл'ны мет мол'ты хул'ынтым ёхл'ал' иньсиста питсыл'е: „Кемынг? Кемынг?“

Иван Гора, иситы уны пангыл' ал'ымман, нёхмыс:

— Яна. Там задача ошинг ин. Мошитл'ув, Владимир Ильич.

— Мошитл'ув, мошитл'ув, — депутатыт нёхымсыт...

— Л'ухыс ёх, Октябрьска советска переворот ий мет вол'анг' вер ситны ул': ух хоя ул'ты рабочий мир „народ кута“ манл'-манл' мет нуша ёх кутны ух туты хо, мет курт трудящийся мир вождь, мет труд государства верты хо... Но, л'ухыс ёх, коммунистическа революция ол'ынгтоман, рабочий класс ант мошитл' ий унтл' йира тэмытта л'ув ухтэл' эвыл'т помещикыт и капиталистыт общество эвыл'т хасим иса вевл'ы тахил'ал' па торасл'ал'. Но рабочий класс нох питта мошитл' и питл' катра мир нумпия, л'ув

торасл'ал' па вевл'ы тахил'ал' хол' воськыл'л'е, хун враг есял'т йил'ып и йил'ып, мет ун, мет ям опыт тайты, л'ял'ьны мет такамтым рабочий отрядыт нох эл'ымыл'ыт ки...

Владимир Ильич охыл'ны усемыс, — ситы — си мол'ты... Ий курым кем ёхл'и пурмыс. Л'ув ёш пангнгол' жилетка карманыта л'икымсынган. Веншл' морымны ховытса, сэмнгол' ям номысны и осьхусинга хутл'ыта питсанган...

— Вот, ситы-си, — л'ув лопыс...

Иван Гора там хо ёшл'ны куншемыты тахи эвыл'т и л'увыт—л'ув л'ухсыл' мосл'тыты тахи эвыл'т юрны ёхл'и катысман, турл' хахырта питыс.

— Интам, л'ухыс ёх, ел'л'и ропитты конкретна план верл'ув... Омсаты.

I

Владимир Ильич выключатель тёсхымсэ, рупитты пасан ухтыны тут хурытман (электричество экономитта мосыс).

Туймым сэмнгол' мунгхысыс. Занавесны лап ант эхтым пуншим ишни сай эвыл'т этыр тэвын етн катыс. Ол'ма питман, галкаит кремлевска башня ухтыны тарынл'ысыт...

— Ма иньси сведениеитны ёхытсаим, яна, л'ив хол'на ант куш вантманыт, — Сталин лопыс. — Царичынны, Саратовны па Астраханьны советыт нянь монополия па так тыныт хол' вусыт...

— Ошл'и кулит! — Владимир Ильич карандаш хоси ниншимтыс, но л'увыт ант вусл'е. Хул'ынта са, — тами кульны ул'ы, муй симись!

— Ант нумысл'ым, муй ал' ошл'и л'ампи... Нижня

Поволжьены л'ант' заготовка вер атма ул'... Овыс Кавказы па Ставропольска губернияны вер сит киньси атма ул'! Там хатл' — анта ки — хал'евыт Краснов Тихорецка пел'и ул'ты юш шупи эвытл'ыл'л'е, Кавказ па Ставрополь мунг утшил'ув... Тамиты ел'л'и нэмхол' пел'и ант рахыл'...

Галкаит башня ухтыны мол'тыны сёрмыттыл'сайт, л'ыв нох пурл'ысыт и йил'па ил' л'атсыт.

— Ошингашик, — муй нанг верта партл'ын, товарищ Сталин?

Сталин серанка юх хошап ухтыя хахырмыс, серанка ухие, шорийман, хол' ракныс, л'ув кимит серанка хахырмыс, — тутленгкины л'ув няхман лап ханим л'ыл'ынг сэмнгол' хутл'ысыйнгым...

— Мунг мол'тыя Царицын тынынга ант тайл'ев. Царицын там хатл' — революция вол'анг форпост — л'ув лопыс, хотса исат потыртыс, хасьпа кашинг ясынга вантман. — Магистраль Тихорецка — Царицын — Поворино — Москва — мунг хосевны ин ёх хасим л'ыл'ынг л'ер. Царицын ки утшил'ев, сит сахат Донска контрреволюция Астраханска па Уральска казацка войскаит пил'ны яха пил'тасьты онтас мал'ув. Царицын утшиты сиртны контрреволюция иси курымны. Дон эвылт чехословакыт унта едина фронт верл' Мунг Каспий утшил'ув, мунг Северна Кавказ советска войскаит нётыпсы такл'и хайл'ыл'ув.

Владимир Ильич лампале вусемysl'е.

Нэпекыт и книгаит ухтыя тут нови хутл'ымтыс; там тут новины хутл'ысыйнгын и л'ув вурты уштып ёшнгол', матотнгын пасан ухтыны мол'сир нэпек листле тэрмат каншсангын. Сталин тур-шупны потыртыс:

Царицын пел'и иса мунг номсэв тайта мосл'. Лув-
выт л'авыл'ты юр'ул' — тота хул'ымъянг вет, нял'ь-
янг сёрыс рабочий округны ул' — тасинг л'ант сопа-
сыт ул'лыт. Царицын пата нюл'вел'ты мосл'.

Владимир Ильич муй л'увел мосыс уйтсыл'е
кунш ол'ынгны сора нухыл'сэмыс, ёш паты венш-
л'ува понмал' ювпины, ханшим нэпек сэмгыл'ны
тувемысл'е.

— Нянь пата крестова поход верта мосл', — л'ув
лопыс. — Ошибка, что сит сыры верман ант ус.
Шенгк ям! Шенгк ям! — Л'ув креслайны ёхи хатымыс,
и л'ув веншл' л'ыл'мал'та питыс, осьмарынга йис. —
Л'ял'ь центр л'ерамтта питыс — Царицын. Шенгк ям!
И сята мунг л'ял'ьны нох питл'ув...

Сталин туш ил'пин няхыл'ыс. Л'ув еша амытман
там хо пел'и — история ун оптимист пел'и вантыс,
си хо пел'и, хой мет л'авырт минутаит л'авырт верны
этл'тыты йил'ып от памтыл', матот л'ял'ь пушкан иты
ёша вута мошитл'а и матот онтасны л'ял'ьны нох
питта мошитл'а.

Май тылысь хул'ымъянг ол'ынгмит хатл'ны Москов-
ска „Правдаины“ мандат ая павытман ус:

„Народна комиссарыт Совет член, народна ко-
миссар Иосиф Виссарионович Сталин, народна ко-
миссарыт Советны Россия нум мув ухтыны продо-
вольственна вер обща ухынг хоя верса и чрезвы-
чайна праваитны масы.

Шоши па областна совнаркомыт, совдепыт, рев-
комыт, штабыт и отрядыт начальникыт, карты юш
организацияит и станция начальникыт, тынэсты флот
организацияит, асыт и сёрыс хуват, почтова-теле-
графна и продовольственна организацияита товарищ

Сталин партты верыт иса комиссарыта хол' верта
мосл.

Народна комиссарыт Совет председатель:

В. Ульянов (Ленин)“.

II

Московска поезд ёхтыс. Паровоз ухтыны—ел'-пелыкны-пулемёттыт. Площадка ухтыны кат броневик. Пир пелык платформаитны—шпалаит па рельсыт. Ол'ынгны комендант перрон ухтыя восьмтыс—нёхи моренг, питы хорасыпшик хо, иса питы сохны, пунглыны маузер юх хошап л'ойил'. Нэм хоят пел'и ант вантман, сыинг турны станция начальник вохемысл'е...

Си ювпины винтовкаитны катлыптым московска рабочийит ил' вохыл'та питсыт, арсыр сохны л'умтыпл'оман,—ернасны, ван-сахны, нюки сахны, кепканы,—иса йил'ып патронташитны антыпл'оман. Хол'ыева—кашл'и, атым, кантынг веншит. Потыр такл'и, нях такл'и вагоныт пунгыл' хуват асфальт ухтыя, винтовка лошайл'ал' ил'эсл'аман, л'ол'ьсыт.

Хо, питы гимнастерканы, сапл'ыл' унты кингынгл'ал' тахырл'оман, классна вагон площадкая этыс, питы иштанл' нямик сопек сур ил'пия л'есял'ман. Л'ув орем веншл' така и рома катыс, унгл'ыл' тушны лаплангкса. Л'ув площадка, порученя катлысыс и ант тэрматман ил' вохлыс.

Ол'ынгны, сэмнгытны вагоныт ишнет хуват вантман, л'ув Москалевны шивал'ысы. Нях восьлангны, хува тал'ым ёшл'ны ревийман, л'ув есял'тэл' тэрмат шушмыс.

Самыл' мусьман Ерман вана шушмыс. Л'авл'ысыл'-ман,—ант ёхытман хул'ым ёхыл' кем и нох суктан-симан,—Носович ёхтыс.

— Вуся ул'аты, л'ухыс ёх! Сталин сыинга л'ивел' допыс, и муй кашинг, муй хоят няхман венш морымл'ал' сэм ол'ынг эвыл'т мансыт. Л'ув вуся верыс, нэм хоят уна ант вуйман, иса ёх пил'а,—шенг-шик каврыма ант ул'ман и шенгшик па сорма ант ул'ман. Паста кертым сэм кевнгыл'ны иса ёх, хой пер-ронны ус вантсыл'е.—Л'ухыс ёх, ма хосема вагон л'ыпия вохл'ыл'ам.

Шаншл'ны каремыс, площадка ухтыя хунгхыс и вагон л'ыпия лангкамыс (харымтыс), ёхл'ы ант вантыл'ман и вохым верл' ил'па ант потыртман маныс. Салонны исат ара омысма л' ювпины, Сталин хонгса кушмыл'тыс и пасан хонынгны шушил'ман, вопро-сыт маты питыс: край л'ант сопасыт ол'ынгны, прод-отрядыт ропота ол'ынгны, ар'ятым л'ант л'ивты ол'ынгны, фронтны ул'ты штыкыт арат ол'ынгны, ре-зервыт ол'ынгны, враг пелык ел' манты ол'ынгны, л'ув юрл' ол'ынгны,—янгытны ван и тус вопросыт мас Москалева, Ермана, Тулака, Носовича... Хун си хо, хой л'ув иньсисыс, л'ерамта вуратман, ар потыртыс, Сталинны вотытыил'та:

— Манэм цифраит мосл'ыт, л'ерамтыпсы ант мосл' Л'ув пил'ел'а потыртым ёх еша номыссыт, мол'ты л'увел' ил'ампа, иса от ошинг ус—фронт сир, и мол'тас л'ант цифраит, и иса порядокыт и ант рахты верыт, иса сит, муй л'ыв, Царицынска вождит, ант ул'ыт...

Потрыт хув мансыт. Москалев шенгк л'ангхал'ыс общереволюционна темаита керыл'та: ун самны, ун янсытны, хоты л'ув хошис, ситсахат потремыта,

ат л'ул'ын Москва эвил'т ёхтым хо вантл', мол'ты тата нирны хун хошим йингк л'ипсал'таты. Но л'ув нэмоп'ты сирны ант мошитыс ара менымты л'увыт апыл'тым тус вопросыт лак. Кемынга ант ус, хол'та пел'и Сталин потрыл' тул'л'е.

Носович хурийман омсыс, московска папироса ант тал'ыс, сорма, пайл'ыя ёхл'ы потыртыс, и мол'ты кем пуш,—л'увел' кал'ыс,—мол'ты Сталин л'ув пел'ангел' ил' пелык сэм' хул'им эвил'т нохшик ал'мыл'ты сэм кевны анкырмитл'.

Вопрос пел'и,—муйны л'ув л'ерамтыл'ы ёх хасим хатл'ны враг нохшик питым вер—Носович хуриман ёхл'ы потыртыс:

— Хол'на тылысь кем ювпины казакыт л'ыви верым снарядл'ал'ны л'якыл'сыт. Ма ун каш тайты питл'ым, нанген снаряд вантл'тыта, консерва банкаит эвил'т верым, музейна курьез... Л'ыв интам ям пормысыт и мет ям пушканыт вусыт. Вопрос решитта фронтны ул'ты уны пелык тут точкаитны...

Сталинны па иньсьмысы: „Нанг ант потыртл'ен мунг атмись манты верев вевл'ама манты политическа ропотайны? Тут точка хоси хо омысл'. Муйкем па тут точка полководец хоси ат ул'л', л'ув солдатл'ал' шопынг агитацияны ант ки л'еситсыит, л'ув нэмоп'ты ант мошитл' верта нэш мет шимыл' тут точка тайты революционна л'ыл'ны ал'мым боецыт есял'т“.

Ёхл'ы лопты потрыт верашик номысты пата, Носович папироска вус и интам л'увел' кал'ыс, мол'ты Сталин антом па ал' анкырмитл', а шома л'ув пел'ангел' вантл'.

— Ма кашасьл'ым, там революция йил'ып тактика. — Л'ув Сталин вантыпсы пел'и така ехл'ы лопыс:

неприятель тут йил'пин боец нумыс па сирны верта л'авырт. Враг пушкан тут йил'пин л'ув мет вол'анг пушкаита эвл'ыл', а книгаита шимыл' эвл'ыл'. Тылны, армия верты артны, сята сит боецыт воспитывайты рахыл'...

Сталин венш морымл'ал' йил'па сэм пунл'ал' эвыл'т тотынг отынг пел'и хатымсыт, л'ув хонгхсаил' ким сэнгкты пата Носович эвыл'т йира каремыс' и мет мол'ты л'уви рота нэхмыс:

— Хота па нумыс пасирны верта, враг тут ил'пи ки ант верта, сята и пасирны верта мосл'.. Интам, л'ухыс ёх, Москалев и Ерман ма хосемны ат хась-л'ангын.

И л'ув иса ёх пил'а ёш мийман ям ул'ым верта питыс. Хун хасьсангын туп Москалев и Ерман, л'ув пасан хоси омсыс, ёш патны клеенка эвыл'т хоним нык паркатыс.

— Тата, юшны,—зернайны л'ел'тым маршрутна состав омысл'. Хув мар л'ув омысл'?

Ерман канмемасы, мет веншл' эвыл'т л'ув хатсясы. Москалев, ишни пел'и вантман, ехл'ы нэхмыс:

— Каг, хул'ым хатл'!..

— Аршик,—Сталин лопыс.—Ийхосьянг хатл'. Муя л'ув ант китман хасис?

Москалев веншл' ломыл'мысл'е л'ув л'уйл'ал'ны клеенка ухтын каклематы питыс.

— Ол'ынгны, мунг сведениеит тайсув, мол'ты юш Поворино ванпысны казакытны вусы... Кимит-са, ин ул'ты военна обстановканы, хун мунг лап вуим вош л'ипин мошитл'ув л'икымта, ма рисковайты ант мошит-сым—нянь сопас такл'и хасьта... Мол'хатл' хатл' рупитты ёх симорт сотам версыт...

Л'ув нёл'ны сиплематы питыс, л'авыл'ман, мол'ты
Сталин л'ув питл'ны споритта питл'. Но Сталин споритта ант питыс. Л'ув па иньсьмысл'е:

— Вошны нянь вольноя тыныйл'а?

— Па хоты...

— Муйны тами л'ерамтл'а?

Москалев верашик нёл'л'ны песатыс, но нумыл'—мысл'е, л'явытта ант мосл'.

— Ситны л'ерамта, товарищ Сталин, что нанг мунг янас сир условиял'ув шимыл' ул'л'ан. Вошны соткем сёрыс арсыр обыватель, мешаныт, ий ясынгны... Хой тата ось л'ипиы капрысл', сиськурекыт матысл', ай тахтын тынасл'... Па янгкем сёрыс хон-тасым ёх. Л'ывит исат паека омсыптаты па хал'евыт совет рава верл'ел'... Си киньси ун атым—отрядыт фронт эвыл'т каремыл'ыт: кашинг хо сята аси, ангки тайл'...

Сталин хусл'ы ул'ым хо пел'и ухыл' каремысл'е сэмнгыл' ил' эсл'омман, Ерман пел'и лопыс:

— Нанг па ситы нумысл'ын?

— Анто, ма ситы ант нумысл'ым,—Ерман сыинга ёхл'ы нёхмыс.—Ма сиремны вошны вер атмась-ул'л'!..

— Вантал'н сар—тал'анг кат сир номыс...

Сталин папка л'ипи эвыл'т нэпек лист ким лавемыс.

— Там нэпекны там хатл' пант хуват йитэм са ёхытсаим.

Л'ув Ленинины ёш посны поным телеграмма пасан ухтыя, Москалев ел'пия, понсыл'е:

„Продовольствие ол'ынгны лопта мосл', что там хатл' антомпа Питерны, антомпа Москваны нянь иса

ант эсл'та (маты). Вер шенгк атым. Айкел' кита, мошитл'аты муй анто сора нянь онтас мунгев маты, нанг тохыл'пен янас тахы эвыл'т җхол'ымты тахы антом. . .“

— Ма предложением, — Сталин лопыс (Москалев телеграмма л'унгтым мар и сял'та хул'ы л'увыт пасан хуват Ермана хатхомсыл'е), — исполкомны вопрос ponta л'еваса нянь маты вер хол' вол'ытты ол'ынгы.

Москваны, Ивановны, Питерны пролетариат җняньны осьмушка кемны маты. Владимир Ильич телеграмма китыс, интам там осьмушка па ант мал'ыт. Тами ул' сит, что ин антомпа туп там вошит вер вевл'ама ул, но и революция вер вевл'ама йис. Хонтым ёх янг сёрыс Царицынны яма ул'ты пата мунг революция нянь такл'ы хайта ант мошитл'ув.

— Нормая Царицын омсыптыта! — Москалев пасан хол' пухыл'мыта вутситыс куш, но пасан ант па нёхтыс. Л'ув пасан вутпи эвыл'т л'авырта ким вуратыс, хот-хари хуват шушил'ыс, галифеил' (касыл') нохшик суктасл'е. — Мунг ситны и орхынгыт, атым условияны, хун иса контрреволюционна кулит увл'ыт: „большевикыт хозяйство — там л'ел'и омысты шок па хозяйство хол' л'ол'ымты шок“, Царицын сорнины энимты воша версэв. Заводыт хась ветьянг процент верл'ыт л'ял' унты, — тами фронт ул'ман. Школаит арамсаит... Профсоюзна организациятны вуйманыт хась иса ханнэхо массаит... Имет ропитты вер шенгк ал'ымса... Общественна ропотаит верманыт.

— Нанг па ёремысён бульварытны ул'ты музыка, — Ерманны л'орпиты турны потрыл' шуна менымса, —

офицерыт якты тайты кабакыт... И сол' пот тын спекулянттыны сот шоит вуша ал'мым вер.

— Там-я сит нох ховытым нампыр, нампыр там!— Москалев увтыс.— Сит-я хол' воськыл'ев. Л'ув атым сэмны Сталин пел'а анкырмыс, — а том хоил' хонгса тал'ман рома омсыс.— Вопрос си киньси мал'а ул'... Царицынска пролетарий л'уви, л'уви ёшл'ал'ны, л'ув ел'л'и ул'ты ул'л'ыпсэл' верл'... Царицынска пролетарий манэм, Москалева, эвыл'л'ыл', что ма л'увыт тул'эм победа етшиптаты унты. А ма л'увыт омсыптыл'ем л'ел'ы паека, ма па л'увыт тахымыл'ем общероссийска пута... Ситсахат, что Иваново-вознесенска рабочийит осьмушка кем нянь пульны мал'ыит... Л'ув тами ант ул'л'е...

Иса тами потырман, Москалев л'авыл'ман тайсыл'е номсыл', и л'ув шавесис антом па л'ув пелкыл' пел'и. Ерман унгл'ыл' уксим хораса мукынмысл'е. Сталин л'охия потыртты онтас мас куш, но там хо ёврая каремыты кем ант ус.

Кашинг сэмып, иса вер уты, ун номсып хо — л'ув чрезвычайно полномочияйл'ал' ухтыя ант куш нёрсятл', но л'ув л'ывыт сепыл'ны тайл'ыл'е и, ил'ампа, л'ув питл'ны ий курыма л'ол'ьты кем антом — л'ув пира хайл'ыл'е.

Пунгыл' номсыт, ил'ампа, Сергей Константинович каврым яснгыта ант торастысыт, но номыс л'авырта ювым вер касятман, л'ув айлта „ил' эсл'ыста“ питыс.

— Тамет иса потыртл'ыл'ам, товарищ Сталин, сит пата, нанг л'ул'н вантман ат тайсэн мунг ел'певны ул'ты ситуация иса л'авырт. Мунг нанг пил'енны тата янас хорасып условиян ул'л'ув. Тата ул'ты пролетариат курт пил'а л'ертысман, л'ув ар нянинга ус, — там

Волга ас, всероссийска житница... Л'ерамл'ел' муй анто? Пал'лым, пал'лым...

— Порвой эвылт ки пал'та, сиртны унта янгхта ант рахыт'... Нанг пал'ты верен анг орл'ем, Сергей Константинович, — Сталин кашинга лопыс, мет мол'ты номсыл'а рахымтыс, хасьпа кемынг этап манман. Рабочийит оша вул'ел', л'ывел' тусыева ки потыртта. Рабочий мет яма оша вул'ел', монополия и карточка система окопаны нют'вел'ты киньси л'авыршик, л'ыв оша верл'ел', там интам революция мет вол'анг фронт ул'л'... И л'ыв там вера манл'ыт, хун л'ывел' яма и туса ошинга ки потыртта...

Москалев, нях монтыл верман, ухыл' мунгл'ыис. Пасан хоси омсыс... — Нанг мунгев задача версын, товарищ Сталин... Муй эвылт вер ухтыны, муйсыр мероприятиеит эвылт, мунгев ол'ынгта мосл'?

— Ма сиремны, общегородска партийна конференция акытты вер эвылт ол'ынгта мосл'.

— Хун?

— Хал'евыт. Муя ел'ли понта... — Повестка ханшта алэмыл'ув? — Ал'ынга — л'апыт сёс кемны. — Китымтак ёхтал'н...

Ал'ынг л'апыт сёсны? (Москалев ёшл'ны упыт-л'ал'а куншемыс.) Сиртны ма манл'ым... Мосл' туса верта, материалыт л'есятта... — Л'ув ванглымтыс и иньсисты сэмны ангкырмыс. Хонгса вей ол'ынгны Сталин клеенка хуват сюртып верта нарымал', мет мол'т строчкаит.

— Вопрос монополия и карточна система верты ол'ынгны; транспорт нох л'есял'ты ол'ынгны; военна команда юрамты ол'ынгны; контрреволюция есял'т л'ял'исты ол'ынгны; партийна организацияит такамты

и массава-политическа работаит орамты ол'ынгны; порядок верты пата л'ял'исты ол'ынгны. Уны повестка питл'!..

Сталин нох л'ол'ис и па си — л'ухыссанг иты — Москалев и Ерман ёш пасирман ям ул'ым верыс. Мантэл'са, Москалев ов хоси секунда кеша л'ол'им-тыл'ыс, но пира ант ангкырмыс, — л'ув л'ивыл' ухтыя нэм хоята пурымта ант куш эсл'ыс, така хул'емыс, вагон площадка эвил'т л'авырта ил'л'и вохл'ыс и туп машина л'ипины хоншашик омысман нёхмыс: „Да-а-а“.

Там арт мар Сталин вагон сопас рельсаит ухтыя туса и телефонны омысса. Сталин ропотаил' ол'ынг-сыл'е. Машья и сыйл'ы ул'ты секретарнгол' партийна и советска организациит, учреждениит эвил'т председателит и секретарит телефон хуват вохта питсыннын, материалыт акытты питсыннын, ханшсыннын, волым ёх ёхл'и эсл'сыннын и ким эсл'сыннын...

Чека председатель вагон л'ипия ал'ынг хатл' иты кашинга л'онгыс, а кимыт площадка хуват ким этмал'ны, веншл' новия хатсис и ун шока питмал'...

Карт юш санитарна коллегия председатель, ант л'авыл'ман, хун вагона вохтл'а, перрон и вокзал тапыр пошитта партыс, сит пата курта китса грузовик, мешанкаит туты пата. Общественна нагрузка сирны, л'ыв метлайл'ал' пила тусыит, л'ыв кантымман и пал'ман симорт хиш ал'ымсыт, что там санитарна л'ял'ь форма эвил'т йира манта мосыс.

Тал'анг хатл' арсыр хоятыт арсыр юшыт хуват йисыг, Сталин вагон иньсисман. Иса вошны, крайны и фронтытны верыт эвил'т тал'анг картина верса. Ати рабочийит ёхтыл'та питсыт: представителит фабрична комитетыт эвил'т и ий тох атэл'тса ропотни-

кыт ёхтыл'сыт. И сиртны, хун шукатым станционна заборыт томпины, карья хот л'англ'ыт нумпин, патлам Волга томпин, ётырхар кал'ыс и пал'ынгл'и ал'ынга хуньси нох вуситыс,—Сталин вагонны ий унтл' иса ишнетны тут хурл'ыс. Ал'ынга—очередь такл'и—телеграмма китса—Москва, Кремль, Ленина: „Хутмит числоны Царицына ёхытсым. Иса хозяйственна верыт атмись ул'ты пел'и ант вантман, иса вер тунгматты кем ул'. Царицынны, Астраханьны, Саратовны монополия и так тыныт советытны хол'т вусыит, и ин вакханалия и спекуляция мантл.

Царицынны версым карточка система и так тыныт. Тамысь вер Астраханьны и Саратовны мосл' верта, анта ки там вошнгын хуват иса л'ант мантл'. Центральна исполнительна комитета и Совнаркома там советыт спекуляция хол' тахымыты парта мосл'.

Ар коллегия и ревком онтасны карты юш транспорт ара шукатса. Коллегиат вурасипсы пел'и ант вантман, ма омсыптысым там вер ухтыя комиссарыт, матотыт ин порядок верл'ыт. Комиссарыт тал'анг паровозыт шошитны уйтл'ыт, матотыт ол'ынгны коллегияит нэмол'ты ант усыт. Вантым (верым) верев эвыл'т этл': хатл' мар карты юш хуват Царицын—Поворино—Балашов—Козлов—Рязань—Москва нивыл' поезд мол'тас китта рахыл'.

Интам ма Царицын поездыт акытман ул'л'ым. Л'апыт эл'ты „нянь л'апыт“ верл'ув и миллион арт кем пот паста эсл'л'ув...

...Нарочный хоят Баку воша китсым, там хатл'ытны юга ман'лым. Товарыт пелытты вер хуват ул'ты уполномоченный... мешочничества и казна товарытны спекуляция вермал' пата там хатл' арестовайтл'а“.

III

Салон-вагонны, иса тахины — ул'асыт ухтыны, пасан ухтыны, хот-харны — сох л'опсыт ол'сыт, карты хорет, скобянна изделияит, папкаит нэпек пил'ны, зерна паит, газетаит. Лап пентым ишни хоси л'ел' пасан сайны омсыс машинистка, л'ув вась л'уйл'ал' шрифтыт ухтыны ол'сыт. Ишни ким пелькны систем нох ёвл'ым вокзал хари ус, хотя рельсаит ий юша керытсыт. Л'ув шанш пелкыл'ны сасим тур сыйны там пивты мазутны шошмым па этыпны йиштым мув хар оса сир л'ил'ны масы.

Сталин диктовайтыс:

„Янг миллион пот нянь и янг сёрыс скот сора курымны л'еситты и Москвая китгы пата мосл'... л'апытъянг вет миллион шойт вох, и арсыр товар хул'ымъянг хут миллион шоит ухтыя: вилаит, л'аймыт, карт-л'унгкыт, болгыт, гайкаит, ишни стеклаит, шай ясьты и столова посуда, кёсилкаит и л'ив шупл'ал', заклепкаит, енгта шинна карты, лобогрейкаит, серанка, л'ов пормыс, л'умыт-сох, ситец, трико, коленкор, бязь, мадеполам, нансук, грисбон, ластик, сатин, шевьет, ими и гвардейска марин нуй, арсыр сох, заготовкаит, шай, литопка, сеялка, мис пусты хошап, плугыт, хырыт, брезентыт, галошаит, ол'ъныт, лакыт кузнечна, столярна пормысыт, — напильникыт, карболова кислота, скипидар, сода...“

Диктовайтман, л'ув стенограммаит вантыс. Там шимыл' хатл' мар, Царицынны иса нох кура ал'ымман усыт. Партийна конференция, профессиональна союзыт съезд, заводска комитетыт конференцияит, чрезвычайна мирхотыт, митингыт — ийвол'ап мансыт. Ца-

рицын оборона, там унта туп Царицын верны утман, интам иса Советска республика оборона карсятыя ал'ымса.

Сталинска вагон мухты юго-восточна вокзал юшитны — ханнэхо ёх сёрсытны мансыт, там вол'анг тема оша вуйман. Междуведомственна ропотаел'ны л'ыл'ыл'ман ул'ым партийна и советска сот учреждениеит, интам там ропотаел' л'ивел' ошинга йита питыс. Шар пусынгны мухты пошим учреждениеит канцелярска пасаныт вутпин омсым сот партийцаит нэпекынг волокита эвыл'т хол' вуйман усыт, заводыта ла куртыта агитационна ропота тута китсаит.

Л'ыкынг ошны сасис йил'ып тема: Царицын оборона иса фронт хуват—овыс Воронежска губерния эвыл'т Сальский степыт унта—наступайты вера ул'. Нянь монополия мосыс така туты. Июнь тылысь мар кат миллион пот нянь Москвая и Питера мата мосл'.

Эгымым митингыт заводыт хуват и окраинаит хуват мансыт. Рабочийит иса страна пата л'ивел' полным ответственностел' оша вусэл'—иса тахытны общереспубликанска задача пил'а кашасьты резолюцияит версаит. И хун там ответственность шома лопман ус.— мол'ты нянь л'охия тыныйты вер нох вол'ытгы мосл' и нянь карточкаит хуват понт шуп кемны маты мосл',—рабочийит ий турны лопсыт: кашась-л'ув...

IV

Новия йиты питым порайны Сталин арсенала маныс. Ил'хота ил' вохл'ыс и янгхыс унши-юх ящикыт кутны и ёш граната паит кутны.

• Л'ыкынг икилэ, арсенал л'авыл'ты хо, анг мошитыс ошинга лопта — муйкем оружия тата: л'ув арсыр тахи эвыл'т сив л'унгытты такл'ы тусы, ил'ампма, шукал'ымотыт усыт, салам и ант рахты от ус . . .

Сталин арсенал эвыл'т орудийна и машина верты завода маныс. Иса цехыт янгхсыл'е и, хун рабочийит, л'увыт, оша верман, заводска ократны актысьсыт, грузовика хунгхыс и лопыс:

— Л'ухыс ёх, республика ун шокны. . . Мунгев мосл' хасим ун л'ял'я манта. Кашинг хоя янг кема юрл' араптта мосл' и там л'ял'ны нох питта мосл'. Ий хоя па нэш ант мосл' пунгыл'ны хасьта. Революция эвыл'ты вер шимыл. . . Мосл' иса ёха, ай ёх эвыл'т мет пирысь ёх унта, пушкан ёша вута. Ситы ропитты мосл', ат нанг станокен хоси поным винтовка л'ол'ъл'. Иса пролетариата яха пилтасьман, нох этымыты мосл' и пушкан ёша вута мосл'. Но пушканынга йиты пата, мосл' верта там пушкан. Мунгев бронепоездыт, броневикыт и пушкаит мосл'ыт. Ма арсеналны вантсым туп сёрыс кем шукал'ым и самиим винтовка, л'ывыт мосл' мол'ты вурны сора курымны л'есятта. . .

— Хол'иева манл'ув, товарищ Сталин, наступление, — рабочийит л'увел' лопсыт.

Хатл' ант шал'итман, этпынг линияитны сюртым, пивты хар тахы сёнгхыйис. Машинистка вевл'и л'уй-л'ал' клавиатура хуват паста янгсыт. Сталин ел'лы диктовайтыс:

„ . . . Мосл' иса юрны омыста вопрос военна руководство пелытты ол'ынгны. . . Ар штаб пата (нял' штаб) фронт сол'амата керытл'. Иса фронтны — отрядыт кутны нэмл'ты сир ош антом. Сив кил'ым воен-

на специалистыт (сапожники) шенгк атмысь и вевляия ропитл'ыт. Сора комны нэмольты сир мера ант ки верла, сиртны железнодорожна линия л'авыл'ты ол'ынгны, продовольственна грузыт ийвол'ап китты ол'ынгны нумыста ант па мосл'...“

Комендант л'онгыс: мет-иси тут хоси сорыл'тым хо-хусл'а пасан ухтыя телеграмма понсыл'е. Л'ув, хус вет вагон нянь и хул'ым вагон сорымхул' Москвая туты поезд эвыл'т ус.

„... Атны, кат сёс кемны Филоново станция разъезд хоси мунг поездэв рельса эвыл'т хол' ракныс, — казакаытны пироксилинова шашқаит понман усыт. Ий сята казакыт поездэв хуват пушкан эсл'ты питсыт. Но мунг пулеметл'ув тутны казакыт йира вошатсаит и вел'саит. Тата мунг тал'анг хатл' усув, а атны па ел'л'и мансув. Хул'ымъянг верста вушны станция тумпийны па катл'саюз. Казакыт йил'па наступайта питсыт. Тата л'апыт сёс етн унта ешасьсув. Тами ювпинны па ел'л'и мансув. Разъездны, Поворино станция ванпысны, маттырны пант хул'ым верста кема шукатман. Казакыт ар пелык эвыл'т разъезд и мунг поездэв мохыл'сэл'. Тата ий сёс ат эвыл'т ийхосьянг сёс ал'ынга унта л'ял'ь маныс. Тата мунг нял' сутка усув и пант л'есятсув. Си ювпинны па ел'л'и мансув. Мунг хосевны кат хоят вел'ман, л'апыт кена мушмыл'ман. Яма туты нумысл'ув Москва унты груз...“

Сталин телефон хуват комендант вохыс. Комендант хусл'а ов хоси этыс.

— Камын нын там хатл' поезд китсыты?

— Хул'ым поезд зерна тувман.

— Камын поезд китта па мошитл'ыты?

— Ат кутл'ып унта па хул'ым.

— Охрана юрымтта мосл'. Кашинг поезда шпала-
итны и рельсаитны л'ел'тым платформа йираты.

Комендант шийтама пентыс.

Сталин машинистка эсыл'сыл'е и письмо ханшта
омсыс.

V

Сталин л'ув хосел'а военна совещание актыс. Хол'-
на армия организовайты пел'и ий курым верта мосыс:
царицынска нял' штаб хол'вуты мосыс и л'ив юка-
нел'а ий Военна совет верта мосыс. Тамись решения
ол'ынгны Сталин Москва телеграмма китыс. Вет
член Военна совета омсыс: л'увит, Москалев, Воро-
шилов, политическа штаб комиссар, и Тритовский,
военна специалист, — номсынг, ар уты хо катра армей-
цыт эвыл'т.

Нум (высша) Военна совет хув айкел' ант китыс
и, мол'ты кем хатл' хул'ы ул'мал' ювпины, ай китыс,
мол'ты Царицынны Военна совет верта кашасъл', но-
л'увит туп мосл' хул'ым член эвыл'ты верты: Сталин,
Москалев и военна специалист Ковалевский.

Тамись решение Троцкий пельк эвыл'т ус тунг
предательствоя. Сиртны Сталин, па ий организаци-
онна курым верыс: Чрезвычайна комиссия началь-
ника Носович, Ковалевский, Чебышев и хол'иева
штабел' арестовайтл'а и иньсиста партыс. Тами си хат-
л'ытны ус, хун мамонтовска батареяитны фронт во-
тас тутны апытса, па берлинска питы нуй сахны
л'умыл'тым казаच्या полкыт пал'ынг иты окопыт пел'и
этымысыт.

Ковалевский, Чебышев, Сухотин, Лохматов па
Кремнев — мол'ты кем час ювпины — инженер Алек-

сеев кат похнгыл' пил'ны арестовайтсаит, иньсиссыит и вел'саит.

Генерал Носович Троцкийны сайл'ысы, л'увыт арест эвыл'т эсл'сыл'е и Балашова китсыл'е. Сята Носович хол'на па кат тылысь кем атым верыс. Соранны, йил'ып арест эвыл'т пал'ман, л'ув Добровольческа армия фронт шупи маныс и Деникин хоси хасис.

Военна совет хул'мит члена Ковалевский юкана Ворошилов тувман ус.

Мамонтов вол'анг юрл'ал' Царицын есял'т акыт-сыл'е и Ворошилов эшелонит ювым магистраль вута вуратыс.

Кимит л'апыт парты вутсим кемны Коммунистическа и Морозовско-донецкая дивизияйнгын юрл'ын хол'аматы питсыт, — резерва ант тармыс.

Ворошилов эшелонны тувым снарядыт па патронит хол'аматы питсыт. Пушкан и тутынг пормыс па ста китта вохым вера Военна нум совет ювол'ынгны ёхл'и айкет китыс, мол'ты пушкан па тутынг пормыс Москва эвыл'т си пораны туп китл'а, хун заявканы памл'оман ул'та питл'ыт муй арат л'ял'ь ёх ул', мата ёха пушкан мосл', муйсыр л'ял'ь пормыс Царицын вошны ул' и муй арат суммая расход сыры верса.

Сталин Пархоменко Москвая китыс, нум Военна совет эвыл'т орудияит и л'ял'ь пормысыт вуты, и со-ра курымны Царицына л'ивыт туты.

Нижнечирска станица ел'л'и па ёшны тайты юр ант тармыс. Вурты армия Дон пыва пельк хонынга маныс. Мост врага мийман ус. Калач хайса. Царицына хатл'ытны и атл'ытны поездыт юхтыл'ысыт, мушмыл'тым ёх тувман. Кривой Музга пунгыл'ны ям Комдивизия полкыт ун пельк мирл' утчисл'е. Лукаш

ранитман ус. Кал'ыны амыртым, вевл'и ювым Вурты армия интам туп бронепоездыт юрны вурасьтыс, — востасынг тутны пал'ынг иты этымим мамонтовска армия л'ив хол' воськисыл'сэл'. Но снаряд шимыл' ус. Л'овынг атакайны враг воша вуратыс.

Орудие сый эвыл'т Царицынны ишни листыт торийсыт. Иса вош мир тэрмал'ман вош питырны хасим линия хырыс. Сталин окопытны ус. Л'ув хосел'а сив телеграмма тусы. Там телеграммайны партман ус, сора курымны Южна фронтны Революционна совет верта, там Революционна совет ропота эвыл'т комиссарыт иса хол'т вута. Штабыл' Козлов¹ вошны омыста.

Иси сёсны вош питыр хотлэнгкины актысис Военна совет, и Ленина па Центральна комитета телеграмма китман ус:

„Ул'а муй анто Высша военна советны Троцкий китым приказ? Троцкий телеграфна приказ иса фронта атым верл' и иса революционна вера торасл'ыл' и Южна фронт Военна советны, хол' верта ант мошитл'а“.

Сталин окоп эвыл'т ким ант этл'ис, сял'та сат л'ув резервыт китыс, д'ял'ь пормысыт китыс, ун орудиеитны омсым йил'ып бронепоезд китта л'есятыс.

Окопа Ворошилов эсл'омтыс, — л'ув броневикны ел' линия эвыл'т ёхтыс, иса хулэнг ус, машина войны. Л'ув хусл'а ул'ман Сталин пел'а вантыс, торыпнгыл' торыйсынгын.

— Коля Руднев вел'са, — лопыс л'ув минута кем

---

¹ Козлов вош — нял'сот верста Царицын эвыл'т овыс пел'и.

хусл'ы л'ол'ьмал'... Патрон антом... туп штыкитны
л'ял'исл'ув... Ар ёх уштысув... Ну, манл'ым цепа...

Л'ув окоп эвыл'т этыс. Йил'ып пулеметна дис-
каит пата юхтыл'ым броневика л'ел'ыс, маныс.

Хун мамонтовцаита кал'ыс, мол'ты хол'на па ий
пуш этымыл'ыт ки и воша ёхытл'ыт, си ртны рабоча
украинаитны верым Новоникольска полк л'ыв
есял'тэл' этымыс.

Сталин л'ывел' лопыс еша кем ясынг, и л'ыв
л'якты такл'ы манта питсыт. Л'ыв ел'пел'ны маным
бронепоезд тутынг шквалны юш сыстамтыс. Ново-
никольцаит враг окопыт унта ёхытсыт и штыкны
напытсыт.

Мамонтовска пехота, ант л'авытман йил'ып л'ял'ь-
юр, пакныс и хонтаты питыс. Хонтым ёх л'иви ка-
зачья сотняйл'ал'ны хуньсисыит и атты кешины сэ-
вырта питсаит. Но вош питырны омсым бронепоезд
и батареяит тутны хол' вел'саит, враг юр рава сэнг-
кса. Нови армия, мет мол'ты тутны кутырмасы, Ца-
рицын эвыл'т тэрмат хонтта питыс. Мамонтов резер-
ваит китыс. Л'ыв пел'ел'а фланг эвыл'т хухыл'ман
Громославский полк наптыс. Нови ёх Крива Музга
пел'ы хонтта питсыт. Сиртны л'ывел'а эсл'омтыс мо-
розовска кавалерия и иса л'ив Дона ювытсаит. Там
армия хол'на молхатхатл' юрынга катман, там ал'ынга
си юрынг армия рава сэнгкса.

„Советска войскаит Царицынска районны наступ-
ление верман, нох питсыт... Враг нампыра верса и
Дон том пелыка ювытса. Царицын вер ям. Наступление
ел'л'ы манл'. Нарком Сталин“.

ЛЕНИН и СТАЛИН

В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВСЕВМОРПУГИ
ЛЕНИНГРАД * 1939

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

ANNALS OF THE ENTOMOLOGICAL SOCIETY OF AMERICA

Volume 52, Number 1, February 1961

CONTENTS

1. *On the Biology of the Mosquito, *Anopheles quadrimaculatus* (L.)*
J. R. T. REID, 1

2. *On the Biology of the Mosquito, *Anopheles quadrimaculatus* (L.)*
J. R. T. REID, 1

3. *On the Biology of the Mosquito, *Anopheles quadrimaculatus* (L.)*
J. R. T. REID, 1

4. *On the Biology of the Mosquito, *Anopheles quadrimaculatus* (L.)*
J. R. T. REID, 1

5. *On the Biology of the Mosquito, *Anopheles quadrimaculatus* (L.)*
J. R. T. REID, 1

6. *On the Biology of the Mosquito, *Anopheles quadrimaculatus* (L.)*
J. R. T. REID, 1

7. *On the Biology of the Mosquito, *Anopheles quadrimaculatus* (L.)*
J. R. T. REID, 1

8. *On the Biology of the Mosquito, *Anopheles quadrimaculatus* (L.)*
J. R. T. REID, 1

9. *On the Biology of the Mosquito, *Anopheles quadrimaculatus* (L.)*
J. R. T. REID, 1

10. *On the Biology of the Mosquito, *Anopheles quadrimaculatus* (L.)*
J. R. T. REID, 1

Published by the Entomological Society of America
521 North Dearborn Street, Chicago 10, Illinois

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ленина и Сталина знает весь мир. Их любят все трудящиеся. Их имена заставляют трепетать от страха всех угнетателей.

Беспредельно любят и почитают Ленина и Сталина народы нашей социалистической родины. Под руководством Ленина и Сталина они построили новую светлую жизнь. Ленин и Сталин дали им счастье, вывели их из темноты и бедности.

О Ленине и Сталине поют песни счастливые народы нашей страны: русские, украинцы, грузины, казахи, татары, ненцы, эвенки, нанайцы. О Ленине и Сталине написано множество прекрасных художественных произведений—стихотворений, песен, рассказов, повестей. Эти произведения рассказывают о мудрости и смелости Ленина и Сталина, о том, как Ленин и Сталин повели трудящихся на борьбу с помещиками и капиталистами. Эти произведения говорят о нашей счастливой жизни, о дружбе народов великого Советского Союза. Они рассказывают о любви народов к Ленину и Сталину, о преданности партии Ленина—Сталина, они зовут к новым победам.

В странах капитализма народное искусство не развивается. Враги трудящихся—капиталисты—уничтожают лучшие произведения искусства, в которых выражена мысль о борьбе с угнетением, с эксплуатацией.

В нашем социалистическом обществе искусство и литература принадлежат народу. Вот почему так сильно выросло наше искусство—национальное по форме, социалистическое по содержанию. Сталинская Конституция дает все для еще большего развития многонационального советского искусства, в том числе и искусства народов Севера.

В этой книге напечатана лишь очень небольшая часть того, что написано о Ленине и Сталине. Это первая книга, где собраны и переведены на хантыйский язык художественные произведения о Ленине и Сталине.

Здесь напечатаны отрывки из повести „Хлеб“. Повесть эту написал к 20-летию Великой Октябрьской социалистической революции писатель-орденоносец, депутат Верховного Совета СССР А. Н. Толстой. В повести „Хлеб“ А. Н. Толстой рассказывает о Ленине и Сталине—великих руководителях партии и народа, о победах нашей храброй Красной армии над белогвардейскими бандами в 1918 году.

В рассказе „Смольный“ писатель Л. Борисов рассказывает о том, как работал Ленин в первые дни после революции. Писатель показывает заботу Ленина о трудящихся и их любовь к нему.

Смерть Ленина была величайшим горем для народа, заставила с болью биться сердца всех трудящихся. Не стало „горного орла нашей партии“,—как называл Ленина товарищ Сталин. Но дело Ленина взял в свои крепкие руки верный его соратник—великий Сталин.

Здесь напечатаны отрывки из книги писателя-орденоносца Николая Островского, отдавшего свою жизнь социалистической родине. В книге „Как закалялась сталь“ Николай Островский рассказывает, как откликнулись рабочие на смерть Ленина, о том, как лучшие рабочие пошли в партию, чтобы под руководством Сталина продолжать великое дело Ленина.

Здесь напечатаны воспоминания колхозников о Ленине, приехавшем в деревню для беседы с крестьянами о их жизни и нуждах.

В белорусской сказке „Ленинская правда“ показана великая сила ленинского учения, которое открывает глаза угнетенным и ведет их на борьбу с угнетателями—помещиками, капиталистами, попами.

В этой книге напечатаны стихотворения о Ленине и Сталине лучших поэтов нашей страны.

Народы нашего социалистического Севера вместе с многомиллионными массами народов всего СССР в своих стихах, песнях и рассказах с любовью говорят о Ленине.

Мы надеемся, что эта книга будет горячо встречена читателями и поможет писателям и поэтам хантыйского народа создать новые художественные произведения.

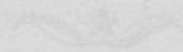
Перевод художественной литературы и особенно сти-

хов—дело новое и очень трудное. Переводчики и редактор просят читателей присылать в издательство свои отзывы о переводах, данных в этом сборнике. Своими советскими и указаниями читатели помогут нам выпустить следующее издание этой книги без недочетов.

1912 год в общей сложности...
и в частности...
и в частности...

и в частности...
и в частности...
и в частности...

и в частности...
и в частности...
и в частности...

и в частности...
и в частности...
и в частности...

и в частности...
и в частности...
и в частности...

и в частности...
и в частности...
и в частности...

и в частности...
и в частности...
и в частности...

и в частности...
и в частности...
и в частности...

ДВА СОКОЛА

(Перевод с украинского)

На дубу зеленом
Да над тем простором
Два сокола ясных
Вели разговоры.

А соколов этих
Люди все узнали:
Первый сокол — Ленин,
Второй сокол — Сталин.

Первый сокол — Ленин,
Второй сокол — Сталин,
А кругом летали
Соколята стайей.

Ой, как первый сокол
Со вторым прощался,
Он с предсмертным словом
К другу обращался:

„Сокол ты мой сизый,
Час пришел расстаться,
Все труды-заботы
На тебя ложатся“.

А другой ответил:
„Позабудь тревоги,
Мы тебе клянемся:
Не свернем с дороги!“

И сдержал он клятву,
Клятву боевую:
Сделал он счастливой
Всю страну родную.

СМОЛЬНЫЙ

(Рассказ)

I

В ноябре семнадцатого года в комендантскую Смольного пришел бородатый, в зипуне и валенках, крестьянин. На вопрос коменданта: „Что надо?“ — просто ответил:

— К начальнику.

— Какие тут тебе начальники? Говори толком!

— К председателю мне.

— Да тебе что нужно, отец? Ты из деревни?

— Мы из деревни. Псковские мы.

— Ну, и что же?

— Пришли мы, значит, — это я, видишь ли, — поговорить с Лениным. Проведи к нему, служивый!

Комендант засмеялся:

— А тебе зачем к Ленину?

— Фу ты, какие у вас тут строгости! Куда, зачем, на что! Не проводишь?

— Нет, отец, не провожу! Ленину не до тебя, некогда ему. Ты мне скажи, какое у тебя дело? Мы, может быть, и без Ленина решим. Садись!

Крестьянин сел. Комендант угостил его папироской, предложил чаю. Шел восьмой час вечера, комендантская отдыхала. Крестьянин жадно потянул настоенный на бруснике кипяток, оглядел стены и запальчиво буркнул:

— Без богов живете!

Комендант улыбнулся, крестьянин озлился:

— А зубы не скалы! Я шестьдесят девять лет с богом жил.

— Ну и что же, счастлив был?

— Всего было. А не смеялся!

— Ну, ясно, какой тут смех, впору плакать было! Верно?

— Оно верно. Только как же это так: то с богом, а то просто так, с голыми стенками? Пусть Ленин объяснит. Проводи, служивый!

— Ну, и смешной же ты, отец! К Ленину с такими пу-
стыками! Чепуха!

— Значит, не проводишь?

— Ни за что.

— А ежели просто так, посмотреть? Тогда можно?

— Тоже нельзя.

— А ежели я поблагодарить его желаю, спасибо сказать? Глаза раскрыл!

— Не одному тебе раскрыл, у меня они тоже хорошо смотрят. Поживи в городе — и увидишь Ленина!

— Да не могу я, служивый, прожиться! У меня баба в тифу лежит. Помещика мы на-днях жгли. Наташка с богомолья вернулась, говорит нам, что бог все-таки есть. Надо бы Ленина повидать. Он скажет — я поверю.

— Глупости, отец! И мне нет времени с тобой разговаривать. Поди-ка ты вон туда, по коридору, поешь супу да каши, потом спать ложись.

— А куда я лягу?

— Ко мне придешь, я тебе записку в общежитие дам. Завтра домой поедешь. Нехорошо больную жену одну оставлять.

— Оно нехорошо. Дай курнуть!

— Кури! Старый, а такой чудак! За богом приехал! Мы теперь без богов работать будем. Хозяйство у тебя какое?

— Изба у меня, собака, курица бегаёт. Барская пчелка залетает. Корова была. Тараканы есть. Тут, в городе, сестра живет.

Крестьянин выпил еще стакан чаю. В комендантской зазвонил телефон, затрещал звонок на стене. Комендант вскочил:

— Посиди, я сейчас! — бросил он крестьянину и выбежал в коридор.

По лестнице спускался Ленин. Он был одет по-зимнему, руки глубоко засунуты в карманы пальто, на губах играла довольная улыбка хорошо поработавшего человека. Ленин шел мелодно и быстро, за ним едва поспевали Луначарский и Урицкий. Ленин остановился, поднял голову и громко произнес:

— Анатолий Васильевич! Поторапливайтесь! Товарищ Урицкий!

Быстро сбежал с площадки второго этажа низенький, широкоплечий Урицкий и, оправляя на ходу пенсне в черной роговой оправе, смущенно пошел следом за Лениным. Комендант встал около дверей, приложил руку к козырьку, поздоровался. Ленин задержался, пристально взглянул в глаза коменданта, весело улыбнулся и громко сказал:

— Добрый вечер, товарищ комендант! Ну, как девочка? Поправилась?

Комендант смутился, сделал серьезное лицо и, шаря взглядом по коридору, не глядя на Ленина, ответил:

— Это не у меня. Это вы, наверное, про девочку сторожа?

— Ну, да, про девочку сторожа, конечно!

— Умерла, товарищ Ленин.

Мигнул красногвардейцу, сам отошел на шаг в сторону, и вытянутой правой рукой задержал какого-то человека в кепке. Человек нес чайник и кусок хлеба. Он прижался к стене и, не дыша и не моргая, смотрел на председателя Совета народных комиссаров.

— Умерла, говорите? Вот ведь... — словно бы себе самому, неясным шопотом произнес Ленин и боком пошел к дверям, выходящим в вестибюль. Комендант выбежал из здания, что-то крикнул. Подъехал автомобиль, шофер раскрыл дверцу. Первым вошел Ленин, за ним его помощники. Комендант долго глядел вслед автомобилю, потом, вспомнив о чем-то, побежал к себе. Крестьянин сидел, пил кипяток и наблюдал, как огромный, усатый красногвардеец чистил ржавый наган.

— Ну, где был? — спросил крестьянин коменданта.

— А ты все сидишь? Вот что, отец, иди-ка ты в столовую, а потом спать ложись!

— Спасибо! А Ленина повидать надо. Непустишь?

Комендант молча писал записку в продовольственный отдел с просьбой выдать талон на обед приезжему товарищу. Писал комендант с трудом, пальцы привыкли больше к винтовке и револьверу, чем к ручке с пером.

— Вот! — сказал он, подавая бумажку крестьянину. — Иди в семнадцатую комнату, там тебе все сделают!

— Золотой ты человек! — от всей души сказал крестьянин. — В следующий раз я Наташку привезу. Пусть и она в хоромах у Ленина побудет. Наташка — не я, Наташка достукается до Ленина.

— Какая Наташка?

— Бабка одна. Надо думать, председателем у нас она делается. Нужная баба, вывески читает. Хлеба мне дадут? Ну, извини!

Крестьянин еще раз обыскал взглядом все четыре угла комендантской и, протягивая руку золотому человеку, стремительно произнес:

— Коли так, работай с богом!

II

Ленин заработался до глубокой ночи. Чутьочку ломило виски, хотелось пить, но графин был пуст. Посылать за

водой или чаем Ленину не хотелось, и он, махнув рукой, снова присел к столу.

За окнами огромного, полутемного Смольного металась вьюга, ветер с моря рвал голые сучья деревьев, играл с оторвавшимся листом железа на крыше. Ленин писал, прислушивался, улыбался и кому-то лукаво подмигивал. Глаза у Ленина были большие, и всегда горел в них золотой, добрый огонек.

В Смольном разучились спать. Сердца и помыслы всех работавших в этом старинном, огромном доме невольно и вольно обращались к Ленину. Сердца и помыслы рабочих в городах необъятной России и солдат на фронте невольно и вольно обращались к Ленину. У большого дела был большой, умный мозг.

Не спал комендант Смольного, дежурил у телефона его помощник, не спала Красная гвардия, не спал часовой у входа. Ленин сидел и писал. Управляющий делами Совета народных комиссаров диктовал секретарю, в городе меркло и погасало электричество, на одну минуту оно погасло и в Смольном.

Ленин встал, протер глаза, широко зевнул и сию же минуту снова сел к столу. Рука нащупала перо, бумагу. Припомнились Женева и маленькая операционная комната в больнице. Отнимали ногу фермеру, неожиданно погас свет, хирург растерялся, операция задержалась. „Могло окончиться смертью“, говорил хирург, но все обошлось благополучно.

И вот сейчас, в минутной тьме, когда загрохотали по коридору чьи-то шаги и где-то близко послышался раздраженный разговор, Ленин представил петроградскую советскую больницу, операционную, в ней хирурга над вскрытыми внутренностями какого-нибудь рабочего, матроса или крестьянина.

„Есть ли у них там запасные лампы?“ — подумал Ленин.

И записал на бумажке, лежавшей сбоку: „Больницы, инструменты“. И поперек листа написал крупно и четко: „Питание ученых“. Подчеркнул эти два слова, откинулся на спинку стула, нажал кнопку звонка.

III

Автомобиль трясло, отвратительно пахло бензином, у Ленина чуточку болела голова. Он уставал, недосыпал, порой не было времени пообедать, но работы предстояло много. „Каждая пядь земли — работа“, — думал Ленин.

„Каждая минута — работа“, — едва ли не вслух выговорил он свои думы.

Ленин сидел, чуть наклонясь вперед, наморщив лоб и улыбаясь: все, видевшие Ленина, отмечали это внешнее свойство его — не сходящую с черт лица улыбочку в том случае, когда он разговаривал с рабочими, и лукавую, ироническую усмешку, когда ему приходилось неистово спорить с меньшевиками. Но всегда, во все минуты работы, короткого роздыха и досуга излучали глаза Ленина свет и тепло.

В городе было по-осеннему ненастно и сыро, дома облезли, небеса унылы. Автомобиль трясло. На одной из выбоин на неширокой грязной улице автомобиль тяжело накренился набок, но под умелой рукой бережного водителя легко выправился и неторопливо, без толчков, помчался серединой дороги. Ленин схватился рукой за косяк дверцы и весело улыбнулся. Он улыбнулся мечтам своим, он видел будущее города, страны, мира. Он прикрыл глаза рукой, и воображение его нарядило город в асфальт и брусчатку, по всем направлениям революционного центра понеслись автобусы, троллейбусы, велосипеды, рабочие районы выросли и стали каменными, по матовому паркету асфальта бежали дети, шли рабочие и работницы, у библиотек стояли очереди. Ленин взглянул на усеянное дождевыми каплями окно автомобиля. Длинный хвост истощенных, полуголодных людей тянулся от дверей магазина, доходил до угла, сворачивал на другую улицу и где-то терялся. Улыбка сошла с лица Ленина. Он удобнее устроился на жестком кожаном сиденье, высоко поднял голову, но в мыслях опять и опять замелькали нарядные, сытые рабочие районы, многоэтажные библиотеки. Ленин вздохнул, секретарю, спутнику своему, сказал: — Напомните мне: надо переговорить с Горьким! Запишите!

Над автомобилем завился снежок, он был перемешан с дождем, ветер гудел не переставая. Спутник выжидательно глядел на Ленина. Когда миновали Николаевский вокзал, откуда-то донеслось длинное, тягучее завывание заводского гудка. Тоненько и поспешно ответил ему другой. Ленин прислушался, дыхание затаил. Гудки разом смолкли.

— Сегодняшняя газета с вами? — спросил Ленин.

Секретарь протянул ему меченную красным и синим карандашами газету. Ленин ушел в чтение.

Все в этой газете было наполнено Лениным, шло от Ленина — его дело начато было давно и сегодня продолжа-

лось в конкретном боевом действии на огромном участке. Вот имена Сталина, Орджоникидзе, Дзержинского — золотые головы, большие сердца!

Передовица, внутренняя хроника, телеграммы со всех концов мира, петроградские новости, партийная жизнь, — все вклинивалось дело Ленина. Длинный перечень партийных, общественных и профсоюзных собраний, заседаний, митингов Ленин прочел внимательно, покачивая головой: так, хорошо, отлично, дело, правильно.

— Приехали, — сказал секретарь Ленина. Ленин аккуратно сложил газету, сунул ее в карман пальто, но сию же секунду вынул ее и, развернув, протянул своему спутнику.

— Хватает ли газет на заводах и в воинских частях? — спросил он, выходя из автомобиля. Секретарь хотел было ответить, но выпала из рук его газета, он нагнулся за нею. Газета, подкинутая ветром, шуруша и горбясь, отлетела в сторону, под ноги бородатому человеку в тулупе и бараньей шапке. Человек этот схватил газету и протянул ее Ленину.

— Владимир Ильич! — крикнул он, задыхаясь от радости, счастья, восторга. — Товарищ Ленин! Газетинку обронили!

Ленин улыбнулся, взял газету, на мгновение задержался взглядом на человеке в бараньей шапке. „Где-то я видел его! — подумал Ленин. — И совсем недавно, тут в Смольном“. И вслух произнес, задерживаясь в дверях:

— Спасибо, товарищ!

Человек в тулупе, бородатый, краснолицый, остроглазый, снял баранью шапку свою, протянул руки в сторону Ленина, словно удерживая его, крикнул и вдумчиво, строго и негромко произнес:

— Спасибо, Владимир Ильич! А ежели жизнь моя понадобится — бери! Спасибо! Больше нету слов моих!

Ленин пристально взгляделся в лицо говорящего человека, протянул ему руку.

... Долго стоял под аркой Смольного бородач в тулупе и валенках, долго смотрел на свою грубую, заскорузлую ладонь, на свои короткие, толстые пальцы, долго о чем-то соображал, что-то примеривал, о чем-то вздыхал — вспоминал, может быть, что-то. К нему подошел мальчуган в кепке и пальто с чужого плеча, взял под козырек, спросил:

— По какому делу стоишь?

И, не получив ответа, заметил:

— Стоять тут без дела нечего! Иди-ка, папаша, туда или сюда!

Человек в бараньей шапке усмехнулся, мигнул парнишке левым глазом, незлобиво спросил:

— А какая твоя, например, фамилия?

— Фамилия? — не без гордости приосанился мальчуган. — Фамилия моя, например, Нарумов. А что?

— Запомню! — ласково, любовно сказал человек в бараньей шапке. — Хорошая фамилия! А зато запомни и мою: Горькушин, Иван Степанович, с-под Пскова. Авось пригодимся друг другу! Будь здоров, товарищ Нарумов!

И, уже спускаясь от главного входа по ступенькам вниз, к воротам, обернулся и кивнул вслед уходившему пареньку:

— Жизни не жалей, Нарумов!

★

ПЕСНЯ О СТАЛИНЕ

(Дагестанская песня)

Гора над долиной
Стоит высоко,
А небо стоит
Над горой высоко.

Но, Сталин, ты выше
Высоких небес,
И выше тебя
Только мысли твои.

Созвездий и месяца
Солнце светлей,
Но, Сталин, твой разум
И солнца светлей.

Лучистое солнце
Сияет лишь днем,
А разум твой светлый —
И ночью и днем.

Всех крепче металлов
Упругая сталь,
Но, Сталин, ты крепче,
Чем всякая сталь.

И вот потому, что
Ты выше небес,
Тебя почитают
В высоких горах.

И мыслям другим,
Кроме мыслей твоих,
Не внемлют народы
В высоких горах.

Когда твои речи
Доходят до нас,
Орлиным становится
Взор у людей.

И если кто слово
Услышал твое,
Навеки запомнит
Он слово твое.

Однажды постигший,
Чему ты учил,
Ни разу не будет
В боях побежден.

И души отдать
За ученье твое
Готовы народы
В высоких горах.

Идут за тобою
Миллионы людей,
Идут потому, что
Твой правилен путь.

И тот, кто однажды
Пошел за тобой,
Скорее умрет,
Чем покинет твой путь.

Песня эта была записана в ноябре 1935 года
в отдаленном дагестанском ауле Кая.

Ее пели горянки.

Перевел с лезгинского и обработал
Эффенди Капиев.

★

ЛЕНИНСКАЯ ПРАВДА

(Белорусская сказка)

Жили в деревне два брата. Поле пахали, землю слезами поливали, горбы себе наживали. Хлеб и скотину у них пань забирали, а платили за это кулаками в спину.

Маялись братья не год и не два, а неизвестно сколько. И другие мужики вокруг жили не лучше братьев.

Надоело братьям работать на чужое здоровье. Решили они отправиться по России-матушке искать правду. Идут месяц, идут год. Видят: стоит большое село. Посреди села — панский дом и рядом — церковь каменная.

„Дай, — думают братья, — зайдем сюда, спросим, где правда живет“.

Идут они по деревне, а навстречу им пан в коляске едет.

— Чьи вы, мужички, откуда идете и чего ищете? — спрашивает их пан.

Отвечают ему братья:

— Жили мы в нищете, в горе, больше сил нехватает так жить. Идем правду искать. Научи нас, пан, где ее найти.

— Хорошо, — говорит пан, — покажу я вам правду, если пожелаете, только вы мне год поработайте за это.

Согласились братья.

Работали они, работали: поле пахали, землю слезами поливали. Прошел год. Приходят они к пану и говорят:

— Научи же нас, пан, как нам правду найти.

— Ну, вот вам и правда, — отвечает им пан, — голь вы немытая, работать вам всегда на нас, панов!

Плюнули братья и пошли дальше.

Идут месяц, идут год. В село пришли. Поп идет навстречу.

Братья к нему.

— Научи; отец, где правду найти.

— Хорошо, — говорит поп, — я вам правду у царя небесного вымолю, а вы у меня год за это поработайте.

Согласились братья. Работали они, работали: пашню попу пахали, слезами землю поливали. Прошел год. Пришли братья к попу, а он им говорит:

— Работайте хорошо, бога не гневите, — вот ваша правда!

Плюнули братья, пошли дальше.

Приходят они к купцу. Вышел он, богатый, толстый, толще пана и попа.

— Хорошо, — говорит купец, — научу я вас, где правду найти, только поработайте вы год на меня.

Согласились братья. Стали они на купца работать, горбы наживать. Учил их купец, как честной народ обманывать, бедноту обмеривать. Не прошло еще и года, как младший брат и говорит:

— Не пойду я больше правду искать! Нет ее на свете — правды мужицкой!

И вернулся он в свою деревню. А старший брат настойчивый, — не хотел без правды домой возвращаться. Пошел один к фабриканту.

Фабрикант и пана, и попа, и купца богаче. Начал старший брат работать у него. А на фабрике много людей работает.

Работали они много лет. Горбы наживали, а правды не видали. Раз услышал брат тихую беседу:

— Есть только один человек, который правду знает. Зовут этого человека Ленин, а живет он в Питере.

Запомнил брат имя и пошел искать этого человека.

Шел много дней, а может быть и месяцев. Пришел в Питер. Видит: идет рабочий. Он его спросил тихонько:

— Где здесь Ленина найти?

А тот ему еще тише:

— Пойдем за мной, я тебя доведу.

Вот пришли они в обыкновенную комнату. Кругом разных книг много. Вышел к ним человек, — одет не богато, но чисто. Вышел и ласково говорит:

— Здравствуйте, товарищи, что скажете хорошего?

Рассказал ему брат, как он правду искал. Долго с ними говорил Ленин о порядках на фабрике, о деревенской бедноте расспрашивал, а потом сказал:

— Правильно ты сделал, что на фабрику пошел правду искать, — там скорее узнаешь, где она есть. Вы ее в руках своих держите.

И рассказал Ленин брату, как надо за рабочую правду бороться, чтобы не служить ни панам, ни купцам, ни фабрикантам, и как выгнать их вместе с царем.

Вернулся брат на фабрику и начал товарищам ленинскую правду рассказывать. Один рассказывает — десять слушают, десять рассказывают — сто слушают. И пошла ленинская правда по всему свету.

Много лет ходила она по фабрикам и деревням. Поднимала рабочих и крестьян на борьбу. А в октябре семнадцатого года объявилась эта правда, заговорила громким голосом, на весь мир загудела. Пошли рабочие и крестьяне войной на

помещиков и фабрикантов. А повел их сам Ленин со своим лучшим помощником — Сталиным. И взяла верх ленинская правда.

С тех пор рабочие и крестьяне не работают больше на панов и фабрикантов, горбов не наживают, землю слезами не поливают, — сами хозяева своих фабрик, своей земли и жизни своей.

★

ГОСТЬ

В. П. Малафьева: Пора была крутая — война, недород, товаров никаких: на рубашонку — и то купить негде. Керосину привозить не стали, — хоть зажигай лучину. Кулаки, конечно, плели свое: дескать, антихристовы времена. Все-таки у народа было такое чувство: ну, хоть нам теперь холодно, голодно да темно, а советская власть свое докажет. Кончится война — заживем. Не помню уж я, с чего началось, только все затормошились: давайте свой свет заведем. Сергей Курков стал деньги собирать. Кто верил, что свой свет завести можем, а кто и не верил. Кулаки — те зубоскалили. Все-таки мы своего достигли. Поставили в сарае машину, протянули через избы проволоку: теперь загорится, как в городе. Не помню уж я, от кого это пошло, только стали говорить: „Ленин к нам едет“. „Да, батюшки, неужто Ленин!“ Ведь это теперь понятие стало другое, а в те поры, так про него бабы думали, вроде он за место царя. Которые верили, что он к нам прибудет, а которые смеялись: дескать, того он только и ждал, чтобы в Кашкиной ехать! Все-таки ждем. Сняли у Марьи Никитишны Кашкиной дом, обнарядили, и хотя пора крутая, но народ тащит кто курочку, кто яблоки, кто маслица... Я студень сготовила. Другие брагу сварили.

А. А. Ашмарин: Помню еще: наладили у двери вешалку, а к ней приставили мужика здорового — в швейцарах раньше служил, — наказали, чтобы принял у Ленина шубу, шапку, как оно в городе заведено.

В. П. Малафьева: Все сготовили, все поставили, а его все нету да нету. Вдруг слышим: машина идет.

А. А. Ашмарин: Не вдруг. Мы на улице стояли. Слышим: в том конце деревни ребята зашумели. Это Ленин открыл у машины дверку, манит к себе ребят: „Где тут у вас электрическая станция?“ А ребята: „Посади, мы тебе покажем“. Набрал он в машину ребят, подъехали...

В. П. Малафьева: Вошла с ним Надежда Константиновна Крупская, а этот наш швейцар подходит и говорит: „Пожалуйте, товарищ Ленин“. А он: „Нет, уж разрешите мне самому раздеться“. Не позволил с себя шубы снимать, сам снял. Ну, все к нему с трепетом и волнением. Он так приветливо щурится, в каждого вглядывается, с каждым здоровается за ручку. Сели. И мужики все сели. Первым делом подносят ему кружку браги, как гостью дорогому, желанному. Взял он кружку, говорит: „Не хмельное ли?“ — „Да нет, Владимир Ильич, хмелю не клали“. Выпил, усы обтер: „Важно!“ Студенька моего ему поднесли. „Велик, — говорит, — кусок-то“. Ну, смотрят на него все, и каждый умиляется: „Багюшки, да какой он человеческий человек! Простой да обходительный, да на разговор такой охотный!“

А. А. Ашмарин: Про разговоры я скажу. Были разговоры про хлебную разверстку. Жаловались мужики: дескать, неизвестно, сколько потребуют с хозяйства хлеба. От неизвестности многие запашку уменьшают. Кабы известность была, лучше было бы. Товаров нет, спекулянты поразвелись, шкуру с человека норовят снять, — на это тоже жаловались. Были и такие, которые все углаживали: дескать, все идет хорошо, товарищ Ленин. А ему это отвратительно: нам, дескать, правду надо знать, а обману не надо. Которые напрямки говорили и про хорошее и про плохое, тех он слушал со всем вниманием. И пошла тут беседа от всей души. Про пахоту расспрашивал, про молотьбу, про мирские дела. Про трактора, про машины оповестил: дескать, к машинам придем. Обещал прислать трактор и молотилку. Тут стало темнеть, а из уезда приехал фотограф. Говорит: „Товарищ Ленин, скоро стемнеет, а у меня задание: обязательно снять народ вместе с вами“.

Вывалили все на улицу. Ребятишек понабралось туча. И все — и старики, и парни, и ребятишки — тянутся сесть поближе к Ленину.

Снялись, пошли на митинг. Ребятня окружила его, шумит, а он смеется:

— Ну как? Закону божьему вас теперь учат?

Ребята кричат:

— Теперь закона божьего нет. И бога, дяденька, нету! Это попы его выдумали, длинноволосые.

Ленин еще пуше смеется.

На митинге он говорил коротенько: война кончится, раны залечим и пойдем вперед. По-новому станем обрабатывать землю, по-новому строить жизнь. Самое главное, — чтобы

крестьяне шли в ногу с рабочими, держали смычку, а это такая сила, союз рабочих и крестьян, что все победит и все как есть построит!

В. П. Малафьева: Все вперед знал. „Труд, — говорит, — облегчится“. А разве не правда? Хоть лен взять. Ведь деревяшками, бывало, махали. А теперь — вон они, какие машины пошли по колхозам!

А. А. Ашмарин: В скорости он прислал нам трактор и молотилку. Ну, не эстезе, конечно, и не челябу, а... фордзон. Других в то время не имелось. Пахать-то мы тем трактором пахали, но думали: „Нашим полям машина неподходящая. Тесно ей у нас, межники препятствуют“.

Владимир-то Ильич, конечно, знал, что у нас задача с межниками выйдет. Дескать, трактор мысль у мужика подымет, и вся старая жизнь скovyрнется. Когда он пообещал нам прислать трактор, то сказал: „Пришлю и сам еще разок к вам приеду“.

Ждали мы его.

А потом вот случилось, — получили под вечер известие: „Помер Владимир Ильич“. Темно уж было. Стали друг за дружкой сходиться люди в общественную избу. Войдет, снимет шапку, поклонится:

— Неужто, мужики, правда?

В. П. Малафьева: Женщины сбилися в одну кучу. Которые не верят: „Может, неправда? Он же крепкий еще был“. А чего уж неправда, когда Курков с газеткой пришел:

— Скончался. Прошу встать!

Хочет петь, а горло схватывает, и тут женщины заплакали все...

А. А. Ашмарин: Стали мы тут советоваться:

— Надо людей в Москву снарядить.

Постановили послать Сергея Куркова и Дмитрия Родионова.

Ушли они. А кулацкие подсумки и тут лезут со своей провокацией: „Ох да ох, как бы теперь советская власть не колтыхнулася“. Ну, тут народ на них шибко ощерился. „Врете, гады паразитные! Не будет такой возможности, чтобы советская власть колтыхнулася. Ленин помер — верный человек ему заступит“. Мы еще не знали тогда, как следовало, товарища Сталина. Чували только, что обязательно есть такой человек.

В. П. Малафьева: Ну, и вышло без перемержки, хотя палок в колеса совали много. Все-таки без перемержки вышло, и пошло, и пошло! На колхозную дорогу вышли. Теперь

у нас более ста тракторов, да молотилки, да трепалки, да мялки... Коров-то породистых завели... Ему тогда и показать-то нечего было, кроме электрического света. А теперь — куда там! Из народа и в летчики выходили и в инженеры, и в доктора. У меня пять внучат, и все учатся.

А. А. Ашмарин: Я про себя скажу, хоть шестьдесят лет имею. Дал я обязательство вырастить одиннадцать центнеров льна-волокна, тонну семян. В старое время смеялись бы надо мной: одурел человек! А я послал на анализ почву и получил рецепт: требуется вложить суперфосфата, фосфоритной муки, калийной соли, золы и селитры. Достал я все. Сеял не в один ряд, а крестом. Полку организовал. И больше дал, чем обещался. В старое время колдуном бы обозвали. А теперь и не дивится никто. Ленин да Сталин так нашу жизнь наладили, что колхозный человек всего достигает.

★

ЯНКА КУПАЛА

О СТАЛИНЕ ПЕСНЯ РАЗДАСТЯ МОЯ...

О Сталине песня раздастся моя —
И песня от чистого сердца звенит...
У жницы такая же песня своя,
И пахарь такую же песню твердит:

В богатстве несметном
Страна расцвела,
И наша дорога
Легка и светла.

О Сталине песня раздастся моя —
И песня от чистых несется сердец...
И горным орлам передам ее я,
И молотом будет ей вторить кузнец:

Орлы-самолеты
Высоко плывут,
Кузнец от тяжелых
Избавился пут.

О Сталине песня раздастся моя —
От солнца она и от зорь золотых...
Такую же песню вся наша земля
Поет средь просторов счастливых своих:

Он дал для народов
Высокий Закон,
Сроднил их великою
Дружбою он.

О Сталине песня раздастся моя —
Лишь сказкою, снами казалась она,
Но сделала явью их воля твоя,
И прежняя доля забыта, темна...

Луч солнца сияет
Среди деревень,
И темного прошлого
Сгинула тень.

О Сталине песня раздастся моя —
О счастье она и о радостных днях...
Пускай же, как вешнюю трель соловья,
Услышат ее в чужеземных краях:

Пусть песня несется,
Не зная границ,
И рухнут опоры
Фашистских темниц.

★

КАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ

(Отрывок из романа)

Ледяной стужей ознаменовал свое вступление в историю тысяча девятьсот двадцать четвертый год. Рассвирепел январь на занесенную снегом страну и со второй половины завыл буранами и затяжной метелью.

На Юго-западных железных дорогах заносило снегом пути. Люди боролись с озверелой стихией. В снежные горы врезались стальные пропеллеры снегоочистителей, пробивая путь поездам. От мороза и вьюги обрывались оледенелые провода телеграфа, из двенадцати линий работало только три: Индо-европейский телеграф и две линии прямого провода.

В комнате телеграфа станции Шепетовка 1-я три аппарата Морзе не прекращают свой понятный лишь опытному уху неустанный разговор.

Телеграфистки молоды, длина ленты, отстуканной ими с первого дня службы, не превышает двадцати километров, в то время как старик, их коллега, уже начинал третью сотню километров. Он не читает, как они, ленты, не морщит лоб, складывая трудные буквы и фразы. Он выписывает на бланке слово за словом, прислушиваясь к стуку аппарата. Он принимает по слуху: „Все, всем, всем!“

Записывая, телеграфист думает: „Наверное, опять циркуляр о борьбе с заносами“. За окном вьюга, ветер бросает в стекло горсти снега. Телеграфисту почудилось, что кто-то постучал в окно, он повернул голову и невольно залюбовался красотой морозного рисунка на стеклах. Ни одна человеческая рука не смогла бы вырезать этой тончайшей гравюры из причудливых листьев и стеблей.

Отвлеченный этим зрелищем, он перестал слушать аппарат и, когда ответ взгляд от окна, взял на ладонь ленту, чтобы прочесть пропущенные слова.

Аппарат передавал:

„Двадцать первого января в шесть часов пятьдесят минут...“

Телеграфист быстро записал прочитанное и, бросив ленту, оперев голову на руки, стал слушать.

„Вчера в Горках скончался...“ Телеграфист медленно записывал. Сколько в своей жизни прослушал он радостных и трагических сообщений, первым узнавал чужое горе и сча-

стве. Давно уже перестал вдумываться в смысл скупых, оборванных фраз, ловил их слухом и механически заносил на бумагу, не раздумывая над содержанием.

Вот сейчас кто-то умер, кому-то сообщают об этом. Телеграфист забыл про заголовок: „Все́м, все́м, все́м“. Аппарат стучал. „Владимир Ильич“, переводил стуки молоточка в буквы старик-телеграфист. Он сидел спокойно, немного усталый. Где-то умер какой-то Владимир Ильич, кому-то он запишет сегодня трагические слова, кто-то зарыдает в отчаянии и горе, а для него все это чужое, он — посторонний свидетель. Аппарат стучит точки, тире, опять точки, опять тире, а он из знакомых звуков уже сложил первую букву и занес ее на бланк, — это было „Л“. За ней он написал вторую — „Е“, рядом с ней старательно вывел „Н“, дважды подчеркнул перегородку между палочками, сейчас же присоединил к ней „И“ и уже автоматически уловил последнюю — „Н“.

Аппарат отстукивал паузу, и телеграфист на одну десятую секунды остановился взглядом на выписанном им слове: ЛЕНИН.

Аппарат продолжал стучать, но случайно наткнувшись на знакомое имя мысль вернулась опять к нему. Телеграфист еще раз посмотрел на последнее слово — „ЛЕНИН“. Что? Ленин? Хрусталик глаза отразил в перспективе весь текст телеграммы. Несколько мгновений телеграфист смотрел на листок, и в первый раз за тридцатидвухлетнюю работу он не поверил записанному.

Он трижды бегло пробежал по строкам, но слова упрямо повторялись: „Скончался Владимир Ильич Ленин“. Старик вскочил на ноги, поднял спиральный виток ленты, впился в нее глазами. Двухметровая полоска подтвердила то, во что он не мог поверить! Он повернул к своим товаркам помертвелое лицо, и они услышали его испуганный вскрик: — Ленин умер!

Весть о великой утрате выскользнула из аппаратной в распахнутую дверь и с быстротой вьюжного ветра заметалась по вокзалу, вырвалась в снежную бурю, закружила по путям и стрелкам и с ледяным сквозняком ворвалась в приоткрытую половину кованных железом деповских ворот.

В депо над первой ремонтной траншеей стоял паровоз, его лечила бригада легкого ремонта. Старик Полентовский сам залез в траншею под брюхо своего паровоза и показывал слесарям больные места. Захар Брузжак выравнивал

с Артемом вогнутые переплеты колосников. Он держал решетку на наковальне, подставляя ее под удары молота Артема.

Захар постарел за последние годы, пережитое оставило глубокую рытвину-складку на лбу, а виски посеребрила седина. Сутулилась спина, и в ушедших глубоко глазах стояли сумерки.

В светлом прорезе деповской двери промелькнул человек, и предвечерние тени проглотили его. Удары по железу заглушили первый крик, но, когда человек добежал к людям у паровоза, Артем, поднявший молот, не опустил его.

— Товарищи! Ленин умер!

Молот медленно скользнул с плеча, и рука Артема незвучно опустила его на цементный пол.

— Ты что сказал? — Рука Артема сгребла клещами кожу полушубка на том, кто принес страшную весть.

А тот, засыпанный снегом, тяжело дыша, повторил уже глухо и надорванно:

— Да, товарищи, Ленин умер.

И оттого, что человек уже не кричал, Артем понял жуткую правду и тут разглядел лицо человека: это был секретарь партколлектива.

Из траншеи вылезли люди, молча слушали о смерти того, чье имя знал весь мир.

А у ворот, заставив всех вздрогнуть, заревел паровоз. Ему отозвался на краю вокзала другой, третий... В их мощный и напоенный тревогой призыв вошел гудок электростанции, высокий и пронзительный, как полет шрапнели. Чистым звоном меди перекрыл их быстроходный красавец „С“ — паровоз готового к отходу на Киев пассажирского поезда.

Вздрогнул от неожиданности агент ГПУ, когда машинист польского паровоза прямого сообщения Шепетовка — Варшава, узнав о причине тревожных гудков, с минуту прислушался, затем медленно поднял руку и потянул вниз цепочку, открывающую клапан гудка. Он знал, что гудит последний раз, что ему не служить больше на этой машине, но его рука не отрывалась от цепи, и рев его паровоза поднимал с мягких диванов купе перепуганных польских курьеров и дипломатов.

Депо наполняли люди. Они вливались во все ворота, и, когда большое здание было переполнено, в траурном молчании раздались первые слова.

Говорил секретарь Шепетовского окружкома партии, старый большевик Шарабрин.

— Товарищи! Умер вождь мирового пролетариата Ленин. Партия понесла невозвратимую потерю, умер тот, кто создал и воспитал в непримиримости к врагам большевистскую партию... Смерть вождя партии и класса зовет лучших сынов пролетариата в наши ряды.

Звуки траурного марша, сотни обнаженных голов, и Артем, который за последние пятнадцать лет не плакал, почувствовал, как подобралась к горлу судорога, и могучие плечи дрогнули.

Казалось, стены железнодорожного клуба не выдержат напора человеческой массы. На дворе жестокий мороз, одеты снегом и ледяными иглами две разлапистые ели у входа, но в зале душно от жарко натопленной голландки и дыхания шестисот человек, пожелавших участвовать в траурном заседании партколлектива.

Не было в зале обычного шума, разговоров. Великая скорбь приглушила голоса, люди разговаривали тихо, и не в одной сотне глаз читалась скорбная тревога. Казалось, что здесь собрался экипаж судна, потерявший своего испытанного штурмана, унесенного шквалом в море.

Так же тихо заняли свои места за столом президиума члены бюро. Коренастый Сиротенко осторожно приподнял звонок, чуть звякнул им и снова опустил его на стол. Этого было достаточно, и постепенно гнетущая тишина воцарилась в зале.

Сейчас же после доклада из-за стола поднялся отсекр коллектива Сиротенко. То, что он сказал, никого не удивило, хотя было необычайно на траурном заседании. А Сиротенко сказал:

— Ряд рабочих просит заседание рассмотреть их заявление, подписанное тридцатью семью товарищами. — И он прочел заявление:

„В железнодорожный коллектив коммунистической партии большевиков станции Шепетовка, Юго-западной железной дороги.

Смерть вождя призвала нас в ряды большевиков, и мы просим проверить нас на сегодняшнем заседании и принять в партию Ленина“.

Вслед за этими краткими словами стояли две колонки подписей. Сиротенко читал их, останавливаясь после каждой на несколько секунд, чтобы собранные в зале могли запомнить знакомые имена:

— Полентовский Станислав Зигмундович — паровозный машинист, тридцать шесть лет производственного стажа.

По залу пробежал гул одобрения.

— Корчагин Артем Андреевич — слесарь, семнадцать лет производственного стажа.

— Брузжак Захар Филиппович — паровозный машинист, двадцать один год производственного стажа.

Гул в зале нарастал, а человек у стола продолжал называть фамилии, и зал слушал имена кадровиков железно-мазутного племени. Совсем тихо стало в зале, когда к столу подошел первый поставивший свою подпись.

Старик Поленовский не мог не волноваться, рассказывая историю своей жизни.

—...Что ж мне еще сказать, товарищи? Жизнь у рабочего человека в старое время была известно какая. Жил в кабале и пропадал нищим в старости. Что ж, признаюсь, когда революция настала, то считал я себя стариком. Семья на плечи давила, и проглядел я дорогу в партию. И хотя в драке никогда врагу не помогал, но и в бой ввязывался редко. В девятьсот пятом в варшавских мастерских был в забастовочном комитете и с большевиками заодно шел. Молодость была тогда и ухватка горячая. Что старое вспоминать! Ударила меня Ильичева смерть по самому сердцу, потеряли мы навсегда своего друга и старателя, и нет у меня больше слов о старости!.. Пущай кто покрасивее скажет, я не мастак на слово. Одно только подтверждаю: мне с большевиками по пути, и никак не иначе.

Седая голова машиниста упрямо качнулась, и взгляд из-под седых бровей твердо и немигающе устремлен в зал, от которого он как бы ждал решения. Ни одна рука не поднялась дать отвод этому низенькому с седой головой человеку, и ни один не воздержался при голосовании, когда бюро просило беспартийных сказать свое слово.

От стола Поленовский уходил коммунистом.

Каждый в зале понимал, что сейчас происходит необычное. Там, где только что стоял машинист, уже громоздилась фигура Артема. Слесарь не знал, куда деть свои длинные руки, и сжимал ими ушастую шапку. Протертый на бортах овчинный полушубок распахнут, а ворот серой солдатской гимнастерки, аккуратно застегнутый на две медные пуговицы, делает фигуру слесаря празднично опрятной. Артем повернул лицо к залу и мельком уловил знакомое женское лицо: среди своих из пошивочной мастерской сидела Галина, дочка каменотеса. Она улыбнулась ему прощающе, в ее улыбке было одобрение и еще что-то недосказанное, скрытое в уголках губ.

— Расскажи свою биографию, Артем!—услыхал слесарь голос Сиротенко.

Трудно начинал свою повесть Корчагин-старший, не привык говорить на большом собрании. Только теперь почувствовал, что не передать ему всего накопленного жизнью. Тяжело складывались слова, да еще волнение мешало говорить. Никогда не испытывал он чего-либо подобного. Он отчетливо сознавал, что жизнь его пошла на крутой перелом, что он—Артем—делает сейчас последний шаг к тому, что согреет и осмыслит его заскорузло-суровое существование.

— Было нас у матери четверо, — начал Артем.

В зале тихо. Шестьсот внимательно слушают высокого мастерового с орлиным носом и глазами, спрятанными под черной бахромой бровей.

— Мать кухарила по господам. Отца мало помню, неполадки у него с матерью были. Заливал он в горло больше чем следует. Жили мы с матерью. Невмоготу ей было столько ртов выкормить. Платили ей господа в месяц четыре целковых с харчами, и гнула она горб от зари до ночи. Посчастливилось мне две зимы ходить в начальную школу, научили меня читать и писать, а как мне десятый год подошел, не стало у матери иного спасения, как отвезти меня в слесарную мастерскую шкетом на выучку. Без жалованья, на три года—за одни харчи... Хозяин мастерской был немец, по фамилии Ферстер. Не хотел он было меня брать по малости, но хлопец я был здоровый, и мать мне два года прибавила. Был я у этого немца три года. Ремеслу меня не учили, а гоняли по хозяйским делам да за водкой. Пил он намертвую... Гонял и за углем, и за железом... Заделала меня хозяйка своим холуем: таскал я у нее горшки и чистил картошку. Каждый норовил пнуть ногой, часто совсем без причины—так уж, по привычке: не потрафлю хозяйке чем,—она из-за пьянки мужа на всех злая была,—хлестнет меня раз-другой по морде. Вывеешься от нее на улицу, а куда пойдешь, кому пожалуешься? Мать за сорок верст, да и у ней приюту нет... В мастерской не лучше. Заправлял там всем брат хозяйский. Любил этот гад надо мной шутки строить. „Подай,—говорит,—мне вон ту шайбу“—и покажет на землю в угол, где кузнечный горн. Я туда, хватъ шайбу рукой, а он ее только что отковал, из горна вынул. На земле она лежит черная, ахватишь—сожжешь пальцы до мяса. Кричишь от боли, а он ржет, заливается. Невмоготу мне стало от этой моло-

тилки, сбежал я к матери. А той девать меня некуда. Привезла она меня к немцу обратно, везла и плакала. На третий год стали мне кое-что показывать по слесарному, а мордобитие продолжали. Убег я опять, подался в Старо-константинов. В этом городе нанялся в колбасную мастерскую и отсобачил там, кишки моючи, полтора с лишним года. Проиграл наш хозяин свое заведение, не заплатил нам за четыре месяца ни гроша и смылся куда-то. Так я из этой трущобы вырвался. Сел на поезд, в Жмеринке вылез и пошел работу искать. Спасибо одному деповскому, посочувствовал он моему положению. Разузнал, что я кое-что по слесарному кумекаю, взялся за меня, как за племянника, по начальству ходатайствовать. По росту дали мне семнадцать лет, и стал я подручным слесарем. Там я девять лет работал. Вот оно насчет жизни прежней, а про здешнее вы все знаете.

Артем провел шапкой по лбу и глубоко вздохнул. Надо было сказать еще самое главное, самое для него тяжелое, не дожидаясь чьего-либо вопроса. И, вплотную сдвинув густые брови, он продолжал свою повесть:

— Каждый может меня спросить: почему я не в большевиках еще с той поры, когда огонь загорелся? Что ж мне на это сказать? Ведь мне до старости еще далеко, а вот только нонче нашел сюда дорогу. Что ж я тут скрывать буду? Проглядели мы эту дорогу, нам еще в восемнадцатом, когда против немца бастовали, начинать надо было. Жухрай, матрос, с нами не раз разговаривал. Только в двадцатом взялся я за винтовку. Кончилась заваруха, покидали белых в Черное море, повернулись мы обратно. Тут семья, дети... Завалился я в домашность. Но когда погиб наш товарищ Ленин и партия бросила клич, посмотрел я на свою жизнь и разобрался, чего в ней нехватает. Мало свою власть защищать, надо всей семьей заместо Ленина, чтобы власть советская, как гора железная, стояла. Должны мы большевиками стать — партия наша ведь?

Просто, но с глубокой искренностью, смущаясь за необычный слог своей речи, закончил слесарь и будто снял с плеч тяжесть, выпрямился во весь рост и ждал вопросов.

— Может, кто желает спросить о чем-нибудь? — нарушил тишину Сиротенко.

Людские ряды зашевелились, но из зала ответили не сразу. Черный, как жук, кочегар, явившийся на собрание прямо с паровоза, бросил решительно:

— О чем его спрашивать? Разве мы его не знаем? Дать ему путевку, и все тут!

Коренастый, красный от жары и напряжения кузнец Гиляка прохрипел простуженно:

— Такой под откос не слезет, товарищ будет крепкий, Голосуй, Сиротенко!

В задних рядах, где сидели комсомольцы, поднялся один невидный в полутьме и спросил:

— Пусть товарищ Корчагин скажет, почему он на землю осел и не отрывает ли его крестьянство от пролетарской психологии.

В зале прошел легкий шум неодобрения, и чей-то голос запротестовал:

— Говори по-простому! Нашел, где звонарить...

Но Артем уже отвечал:

— Ничего, товарищ. Этот парень правильно говорит, что я на землю осел. Это верно, но от этого я рабочей совести не растерял. Кончилось это с нынешнего дня. Переселяюсь с семьей к депо поближе, здесь верней. А то мне от этой земли дышать трудно.

Еще раз дрогнуло сердце Артема, когда глядел на лес поднятых рук, и, уже не чувствуя тяжести своего тела, не сутуля спины, пошел к своему месту. Сзади услышал голос Сиротенко:

— Единогласно.

★

А. ТОЛСТОЙ

ХЛЕБ

Иван Гора с делегатами от петроградских заводов сидел за длинным столом в чинном и тихом кабинете Совета народных комиссаров. За окном — стая московских галок, беспокоенных все более скудным продовольствием, кружилась над зубцами кремлевских стен. Чинная тишина кабинета, четвертушки бумаги на вишневом сукне, кресла в чехлах, медленное тиканье стенных часов — все это понравилось делегатам, — здесь советская власть сидела прочно.

Вошел Владимир Ильич, все в том же поношенном пиджачке, свой, простой. Вошел из боковой дверцы и сейчас же притворил ее за собой, повернул ключ:

Коротко поздоровался. Все встали.

— Садитесь, садитесь, товарищи! — Он сел в конце стола на дубовый стул. Быстро оглядел худые, морщинистые,

суровые лица рабочих, и по глазам его с маленькими, как просинка, зрачками, было заметно, что сделал соответствующий вывод. Заметив Ивана Гору, приподнял бровь. Иван Гора улыбнулся большим ртом от уха до уха.

Владимир Ильич вытащил из портфеля, лежащего на коленях, исписанный листок, положил его перед собой и опять поднял голову. Лицо у него было осунувшееся, как после болезни.

Делегаты молча глядели на него, иные вытягивали шею из-за плеча товарища. Многие видели Ленина так близко в первый раз. Они приехали к нему в Кремль по крайней нужде: Петроград умирал от голода. Деревня теперь и за деньги не давала хлеба. Голод все туже затягивал пояс на пролетарском животе.

— Рассказывайте. Будем думать — какой найти выход, — сказал Владимир Ильич, и опять, приподняв бровь, взглянул на Ивана Гору. — На свете не бывает „ничего невозможного“.

Иван ахнул: „Помнит!“ Смутился, и оттого, что не мог не глядеть на Владимира Ильича, не улыбаться от уха до уха при виде его, — покраснел густо.

Сидевший рядом с Лениным депутат, старый, в железных очках, положив отекавшие руки на лист бумаги, начал:

— Плохо, Владимир Ильич. Голодуем. Держимся, крепимся, пролетарскую свободу не продадим. Но тревожимся: до урожая ждать три месяца, а есть нечего, детишки по весне начали помирать. Жалко, Владимир Ильич. У женщин шатается воображение. Еду только во сне видим.

Другой депутат, широкоплечий новгородец, мрачный и красивый, с упавшими на лоб черными кудрями, сказал, не глядя ни на кого:

— Две недели петроградские районы могут продержаться при условии осьмушки. Через две недели начнем помирать. На заводах где половина, где и больше рабочих военного времени — ушло. Мы о них, пожалуй, и не жалеем. Осталось пролетарское ядро. Но его надо кормить...

Другие депутаты, не спеша, рассказывали подробности о бедствиях голода, о том, как приходится заставлять частных выпекать хлеб со ста процентами припеку: „Получается такой жидкий хлеб, Владимир Ильич, горстями его черпаешь, и этой гадости выдаем только по осьмушке“.

Рассказывали о беспорядках в продовольственных управах, где повсюду наталкиваешься на тайных организаторов голода. На заводах — то тут, то там вспыхивает недовольство и обнаруживаются шептуны; одного обнаружат, на месте

его — двое. Продотряды посылаются неорганизованно, часто в них попадают те же шептуны, привозят мешки для себя, а на собраниях, отчитываясь, плачут, что-де ничего не могли добыть...

— К примеру, Владимир Ильич, — откашлявшись, про-
басил Иван Гора. — У нас на заводе секретаря партийного
коллектива товарища Ефимова чуть не убили, едва отстояли...
Вдруг в литейном цеху — митинг. В чем дело? Шум, крик:
„У Ефимова на квартире — мука и сахар“. И так кричат,
так разгорячились, — невозможно не верить... Я вижу — дело
плохо, — к телефону. Ефимов как раз дома. Я ему — тихо,
чтобы ребята не слышали: „Уходи“. Он переспрашивает.
Я — в другой раз: „Уходи“.

Он смеется:

— Да куда уходить-то?

Я ему внушаю: „Уходи“.

— Да кто говорит-то?

— Иван Гора, — говорю. — Завод к тебе идет.

Он понял в чем дело. Отвечает:

— Чего же им трудиться. Я сам к ним приду.

Приходит в литейную. Входит смело, глядит — огнем
жжет. Потом-то мне рассказывал: „Голову-то я держал
высоко, а у самого кровь в жилах сжалась“. Ребята увидели
его — ревут: „Спекулянт! Сливочное масло жрешь!“ Рвутся
к нему, — вот-вот — убьют. Он стоит, поднял руку, ждет,
когда отгорланят.

— Ну? — говорит спокойно. — Чего кричать-то. Вот
ключ. — И с досадой бросает ключ от своей квартиры. —
Идите обыщите. Найдете хоть кусок хлеба — тогда мне смерть.
Ступайте, я обожду.

Человек двадцать побежало. Он стоит, закурил.

Возвращаются наши ребята, головы повесили — самим
стыдно в глаза ему глядеть.

— Вот, нашли, — говорят, — и показывают заплесневелую
корочку...

Он тут сразу и повеселел:

„Значит, убедились, — муки, сахару у меня нет... Теперь
давайте у горлопанов поищем...“ И показывает на Ваську
Васильева, который дня два вернулся с продотрядом и слезы
лил. Мы — к Ваське: „Веди, показывай“.

— И нашли у него? — быстро спросил Ленин.

— А как же... Мука и сало, и в кухне привязана коза.
Продукты и козу приволокли на митинг. Ребята озверели.
Коза им, главное, в досаду. „Это, — кричат, — мировой позор!“

— Так, так, так, — повторил Ленин, уже не слушая рассказа. — Так вот, товарищи, теперь позвольте мне взять слово...

— Просим, — сказали депутаты...

... ..
— ... Жалобами делу не поможешь... Положение страны дошло до крайности... В стране голод... Голод стучится в дверь рабочих, в дверь бедноты...

Ленин начал говорить негромко. Грудь его была прижата к столу, руками он придерживал портфель на коленях. Депутаты, не шевелясь, глядели ему в осунувшееся, желтоватое лицо. Не спеша стучали стенные часы...

— ... Все эти попытки добыть хлеб только себе, своему заводу, — увеличивают дезорганизацию. Это никуда не годится... А между тем в стране хлеб есть... — Он пробежал глазами цифры на лежащем перед ним листке. — Хлеба хватит на всех. Голод у нас не оттого, что нет хлеба, а оттого, что буржуазия дает нам последний решительный бой... Буржуазия, деревенские богатеи, кулаки срывают хлебную монополию, твердые цены на хлеб. Они поддерживают все, что губит власть рабочих... — Он поднял голову и сказал жестко: — губит власть рабочих, добивающихся осуществить первое, основное, коренное начало социализма: „Кто не работает, тот не ест“...

Он помолчал и — опять:

— ... Девять десятых населения России согласны с этой истиной. В ней основа социализма, неискоренимый источник его силы, неистребимый залог его окончательной победы.

Он отодвинул стул, положил портфель и продолжал говорить уже стоя, иногда лишь делая несколько шагов у стола:

— На-днях я позволю себе обратиться с письмом к вам, питерские товарищи... Питер — не Россия, — питерские рабочие — малая часть рабочих России. Но они — один из лучших, передовых, наиболее сознательных, наиболее революционных, наиболее твердых отрядов рабочего класса... Именно теперь, когда наша революция подошла вплотную, практически к задачам осуществления социализма, именно теперь на вопросе о главном — о хлебе — яснее ясного видим необходимость железной революционной власти — диктатуры пролетариата...

Он подкрепил это жестом — протянул к сидящим у стола руку, сжал кулак, словно натягивая вожжи революции...

— ...„Кто не работает, тот не ест“, — как провести это в жизнь? Ясно, как божий день, — необходима, во-первых, государственная монополия... Во-вторых — строжайший учет всех излишков хлеба и правильный их подвоз... В-третьих — правильное, справедливое, не дающее никаких преимуществ богатому, распределение хлеба между гражданами — под контролем пролетарского государства.

Он с усилием начал было открывать захлопнувшийся замочек портфеля. Прищурясь, взглянул на часы...

— ...Превосходно... Вы говорите: на Путиловском заводе было сорок тысяч. Но из них большинство — „временные“ рабочие, не пролетарии, ненадежные, дряблые люди... Теперь осталось пятнадцать тысяч. Но это — пролетарии, испытанные и закаленные в борьбе... Вот такой-то авангард революции и в Питере и во всей стране должен кликнуть клич, должен подняться массой... Должен понять, что в его руках спасение страны... Надо организовать великий „крестовый поход“ против спекулянтов хлебом, кулаков, мироедов, дезорганизаторов, взяточников...

Депутаты уже не сидели у стола. Движением руки он их поднял, и они окружили Владимира Ильича, — кивая, поддакивая. Иван Гора стоял прямо перед ним, глядя сверху вниз разинутыми глазами ему на твердый, твердо выбрасывающий слова, рот.

— ...Только массовый подъем передовых рабочих способен спасти страну и революцию... Нужны десятки тысяч передовиков, закаленных пролетариев... Настолько сознательных, чтобы разяснить дело миллионам бедноты во всех концах страны и встать во главе этих миллионов... Настолько выдержанных, чтобы беспощадно отсекал от себя и расстреливать всякого, кто „соблазнился“ бы — бывает — соблазнами спекуляции... Настолько твердых и преданных революции, чтобы вынести все тяжести „крестового похода“.

Это сделать потруднее, чем проявить героизм на несколько дней... Революция идет вперед, развивается и растет... Растет ширина и глубина борьбы. Правильное распределение хлеба и топлива, усиление добычи их, строжайший учет и контроль над этим со стороны рабочих и в общегосударственном масштабе — это настоящее и главное преддверие социализма... Это уже не „общереволюционная“, а именно коммунистическая задача...

Подняв палец, Владимир Ильич повторил это, и зрачки его как бы искали в глазах слушателей: „Понятно? Понятно?“

Иван Гора, тоже вытянув большой палец, проговорил:
— Правильно. Это задача видимая. Можем, Владимир Ильич.

— Можем, можем, — заговорили депутаты...

— Товарищи, одно из величайших, неискоренимых дел октябрьского — советского — переворота в том, что передовой рабочий пошел в „народ“, — пошел как руководитель бедноты, как вождь деревенской трудящейся массы, как строитель государства труда... Но, товарищи, начав коммунистическую революцию, рабочий класс не может одним ударом сбросить с себя все слабости и пороки, унаследованные от общества помещиков и капиталистов. Но рабочий класс может победить и неминуемо победит, в конце концов, старый мир, его пороки и слабости, если против врага будут двигаться новые и новые, все более многочисленные, все более просвещенные опытом, все более закаленные на трудностях борьбы отряды рабочих...

Владимир Ильич кивнул, — так-то, мол... Отступил на шаг. Большие пальцы его рук попали в жилетные карманы. С висков на углы век набежали морщинки, глаза засветились юмором и добродушием...

— Вот, так-то, — сказал он...

Иван Гора засопел, с усилием удерживаясь, чтобы не сгрести лапами этого человека, не расцеловать его — друга...

— Теперь, товарищи, набросаем конкретный план действия... Присаживайтесь.

I

Владимир Ильич щелкнул выключателем, гася лампочку на рабочем столе (электричество надо было экономить). Потерял усталые глаза. За незанавешенным раскрытым окном еще синел тихий вечер. Засыпая, возились галки на кремлевской башне...

— Я только что получил сведения, правда, еще не проверенные, — сказал Сталин. — В Царицыне, Саратове и Астрахани советы отменили хлебную монополию и твердые цены...

— Головоотяпы! — Владимир Ильич потянулся за карандашом, но не взял его. — Слушайте, ведь это же — чорт знает что такое!

— Не думаю, чтобы — просто головоотяпство... На Нижнем Поволжье с хлебозаготовками настоящая вакханалия... Еще хуже на Северном Кавказе и в Ставропольской губер-

нии. Не сегодня — завтра Краснов перережет дорогу на Тихорецкую, мы потеряем и Кавказ и Ставрополь... Так дальше никуда не годится...

Галок на башне что-то встревожило, они поднялись и снова сели.

— Конкретно, что вы предлагаете, товарищ Сталин?

Сталин потер спичку о коробку, головка, зашипев, отскочила, он чиркнул вторую, — огонек осветил его сощуренные будто усмешкой, блестящие глаза с приподнятыми нижними веками.

— Мы недооцениваем значение Царицына. На сегодняшний день Царицын — основной форпост революции, — сказал он, как всегда, будто всматриваясь в каждое слово. — Магистраль Тихорецкая — Царицын — Поворино — Москва — единственная оставшаяся у нас питающая артерия. Потерять Царицын — значит дать соединиться донской контрреволюции с казацкими верхами Астраханского и Уральского войска. Потеря Царицына немедленно создаст единый фронт контрреволюции от Дона до чехословаков. Мы теряем Каспий, мы оставляем в беспомощном состоянии советские войска Северного Кавказа.

Владимир Ильич включил лампочку. Белый свет лег на бумаги и книги, на большие, с рыжеватыми волосками, его руки, торопливо искавшие какой-то листочек. Сталин говорил вполголоса:

— Все наше внимание должно быть сейчас устремлено на Царицын. Оборонять его можно, — там тридцать пять, сорок тысяч рабочих и в округе — богатейшие запасы хлеба. За Царицын нужно драться.

Владимир Ильич нашел, что ему было нужно, быстро облокотился, положив ладонь на лоб, пробежал глазами исписанный листочек.

— Крестовый поход за хлебом нужно возглавить, — сказал он. — Ошибка, что этого не было сделано раньше. Прекрасно! Прекрасно! — Он откинулся в кресле, и лицо его стало оживленным, лукавым. — Определяется центр борьбы — Царицын. Прекрасно! И вот тут мы и победим...

Сталин усмехнулся под усами. Со сдержанным восхищением он глядел на этого человека — величайшего оптимиста истории, провидящего в самые тяжелые минуты трудностей то новое, рождаемое этими трудностями, что можно было взять, как оружие для борьбы и победы...

Тридцать первого мая в московской „Правде“ был опубликован мандат:

„Член Совета народных комиссаров, народный комиссар Иосиф Виссарионович Сталин, назначается Советом народных комиссаров общим руководителем продовольственного дела на юге России, облеченным чрезвычайными правами.

Местные и областные совнаркомы, совдепы, ревкомы, штабы и начальники отрядов, железнодорожные организации и начальники станций, организации торгового флота, речного и морского, почтово-телеграфные и продовольственные организации, все комиссары обязываются исполнять распоряжения товарища Сталина.

Председатель Совета народных комиссаров:

В. Ульянов (Ленин)“.

II

Подошел московский поезд. На паровозе — спереди — пулеметы. На площадках — два броневика. В хвосте — платформы со шпалами и рельсами. Первым соскочил на перрон комендант — жилистый, черноватый человек, весь в черной коже, с деревянным чехлом маузера на боку. Ни на кого не глядя, резким голосом позвал начальника станции...

Затем начали сходить вооруженные винтовками московские рабочие, одетые вразнобой, — в рубахах, пиджаках, кожаных куртках, кепках, — все перепопсанное новыми патронташами. У всех — неприветливые, худые, суровые лица. Без говора, без шуток стали вдоль вагонов, спустив винтовки ложами на асфальт.

На площадку классного вагона вышел человек в черной — до ворота застегнутой — гимнастерке, в черных штанах, заправленных в мягкие сапоги. Худощавое смуглое лицо его было серьезное и спокойное, усы прикрывали рот. Он взялся за поручень площадки и неторопливо сошел.

Первым, шаря глазами по окнам вагонов, увидел его Москалев. Широко улыбаясь, помахивая протянутой рукой — поспешил навстречу. Взволнованно подошел Ерман. Осторожно — не доходя трех шагов и вытянувшись, — Носович.

— Здравствуйте, товарищи, — отчетливо сказал им Сталин, и не то веселые, не то насмешливые морщинки пошли от углов его глаз. Он поздоровался, не выделяя никого, со всеми, — не слишком горячо и не слишком сухо. Быстрым движением зрачков оглядел всех, кто был на перроне. — Товарищи, попрошу ко мне в вагон.

Повернулся спиной, поднялся на площадку и скрылся в вагоне, не оглядываясь и не повторяя приглашения. Когда все разместились в салоне, Сталин, раскурив трубку и похаживая около стола, начал задавать вопросы: о запасах хлеба в крае, о работе продотрядов, о предполагаемом урожае, о количестве штыков на фронте, о резервах, о продвижении противника, о его силах, — десятки коротких и точных вопросов — Москалеву, Ерману, Тулаку, Носовичу... Когда тот, кого он спрашивал, начинал пространно разжевывать, — Сталин прерывал:

— Мне нужны цифры, объяснений не нужно...

Собеседники его понемногу убеждались, что ему, должно быть, все уже известно — и состояние на фронтах, и цифры хлебных излишков, и все непорядки и неполадки, и даже то, чего не знают они, царицынские вожди.

Беседа продолжалась долго. Москалеву очень хотелось бы перейти к общереволюционным темам: с жаром, большими словами, как он умел, поговорить так, чтобы показать москвичу, что здесь тоже не лаптем щи хлебают. Но он никак не мог разорвать круг оцепляющих его точных, анализирующих вопросов. Было непонятно, — куда клонит Сталин.

Носович сидел настороженно, не курил предложенных московских папирос, отвечал сухо и точно, и несколько раз, — показалось ему, — поймал на себе быстрый, из-под приподнятых нижних век, острый взгляд Сталина.

На вопрос — чем он объясняет успех противника за последние дни — Носович ответил осторожно:

— Еще месяц тому назад казаки стреляли самодельными снарядами. Я буду иметь удовольствие показать вам снаряд, сделанный из консервной банки, музейный курьез... Теперь они получили хорошее снаряжение и отличные пушки. Вопрос решается перевесом огневых точек на фронте...

— А не объясняете вы наш неуспех недостаточной политической подготовкой? — спросил Сталин. — За огневой точкой сидит человек. Сколько ни будь у полководца огневых точек, если его солдаты не подготовлены правильной агитацией, он ничего не сможет сделать против революционно воодушевленных бойцов — даже с гораздо меньшим количеством огневых точек.

Чтобы обдумать ответ, Носович взял папироску и чувствовал теперь, что Сталин уже не мельком — пристально разглядывает его.

— Я согласен, что это новая тактика революции.—Он постарался твердо ответить на взгляд Сталина.—Но под огнем неприятеля трудно перестраивать психику бойца. Под огнем неприятеля он больше верит пушкам, чем книжкам. В тылу, при формировании, разумеется, воспитание—это все.

У Сталина снова побежали морщинки от век на виски, он отвернулся от Носовича, чтобы выколотить трубку и—как бы—мимоходом:

— Где и перестраивать психику, как не под огнем неприятеля, там-то и перестраивать... Теперь, товарищи, я попрошу остаться товарищей Москалева и Ермана.

И он стал прощаться за руку со всеми. Когда в салоне остались только Москалев и Ерман, он сел к столу, ладонью стряхнул пепел с клеенки.

— Здесь, на путях,—маршрутный состав с зерном. Давно он стоит?

Ерман вспыхнул, точно его ударили по лицу. Москалев ответил, прищуриваясь на окно:

— Дня два, три...

— Больше,—сказал Сталин.—Одиннадцать дней. Почему он не был отправлен?

Москалев нахмурился, пальцы его застучали по клеенке.

— Во-первых, у нас были сведения, что дорога около Поворина перерезана казаками... Во-вторых, при создавшейся военной обстановке, когда мы можем оказаться буквально в осажденном городе, я не мог рисковать остаться без хлебных запасов... Вчера рабочие устроили такую бузу...

Он засопел носом, ожидая, что Сталин начнет спорить. Но Сталин не стал спорить. Он спросил еще:

— В городе свободная продажа хлеба?

— Ну да...

— Чем это объясняется?

Москалев гуще засопел, но понял, что ссориться не надо.

— Тем объясняется, товарищ Сталин, что вы мало знаете наши особенные условия. В городе тысяч сто разных обывателей, мещан, словом... Кто там в огороде ковыряется, кур шупает, торгует по мелочишке... Да тысяч десять беженцев... Посади я их всех на паек—ну и назавтра разнесут совет... Хуже того—отряды повернут с фронта: у каждого здесь папаша, мамаша...

Сталин повернул голову к молчавшему, опустив глаза, Ерману.

— Вы тоже так думаете?

— Нет, я не так думаю, — резко ответил Ерман. — Считаю положение в городе ненормальным...

— Вот видите — уже два различных мнения... — Сталин достал из папки листочек. — Это получено сегодня в пути. — Он положил на стол перед Москалевым телеграмму, подписанную Лениным:

„... О продовольствии должен сказать, что сегодня во все не выдают ни в Питере, ни в Москве. Положение совсем плохое. Сообщите, можете ли принять экстренные меры, ибо кроме как от вас добыть неоткуда...“

— Мое предложение, — сказал Сталин (покуда Москалев читал телеграмму и затем молча подвинул ее по столу — Ерману), — поставить в исполкоме вопрос о прекращении безобразного разбазаривания хлеба. Пролетариат в Москве, в Иванове, в Питере получает осьмушку. Владимир Ильич телеграфирует, что и этой осьмушки уже не выдают. Это означает, что в опасности не только эти города, но в опасности революция. Ради удобства десяти тысяч беженцев в Царицыне мы не можем лишать революцию хлеба...

— Посадить Царицын на паек! — Москалев попробовал толкнуть от себя стол, он не сдвигался. Он тяжело вылез, прошелся, подпернул галифе. — Мы тем и горды, что в кошмарных условиях, когда вся контрреволюционная сволочь кричит: „большевистское хозяйство — это голод и разруха“, превратили Царицын в цветущий город... Заводы вырабатывают почти пятьдесят процентов довоенного, — это при наличии фронта. Увеличена сеть школ... Профсоюзными организациями охвачены почти все массы трудящихся... Колоссально поднято женское движение... Проводятся мероприятия по созданию общественных работ.

— Ты забыл еще музыку на бульварах, — перебил его Ерман дрожащим голосом, — офицерские кабаки с танцами... И что соль спекулянты вздули уже до ста рублей пуд.

— Накипь! Это накипь! — крикнул Москалев. — Раздавим. — Он покосился на Сталина, — тот невозмутимо попыхивал трубкой. — Вопрос гораздо глубже... Царицынский пролетарий сам, своими руками, строит свое будущее... Царицынский пролетарий верит мне, Москалеву, что я доведу его до окончательной победы. А я посажу его на голодный паек, я брошу его в общероссийский котел... Потому, что иваново-вознесенские рабочие получают осьмушку... Он этого не поймет...

Говоря все это, Москалев „учитывал“ впечатление, и оно складывалось не в его пользу.

У Ерманя рот искажался брезгливой гримасой. Сталин спокойно предоставлял высказываться, но что-то непохоже было, что этого человека можно пошатнуть. С веселыми глазами, осведомленный, непроницаемый — хоть и не нажимает на чрезвычайные полномочия, но они у него в кармане.

Боковые мысли не влияли, разумеется, на горячность слов Сергея Константиновича, но замечая, что впечатление совсем уже становится неважным, он осторожно начал „спускаться“.

— Говорю все это, товарищ Сталин, к тому, чтобы вы учли всю сложность ситуации, стоящей перед нами... Мы с вами здесь в особенных условиях. Здешний пролетариат корнями связан с деревней, с обилием хлеба, — это Волга, всероссийская житница... Поймут ли? Боюсь, боюсь...

— Волков бояться — в лес не ходить... Не разделяю ваших опасений, Сергей Константинович, — весело сказал Сталин, как будто довольный, что известный этап уже пройден. — Рабочие поймут, если им объяснить. Рабочие прекрасно поймут, что хлебная монополия и карточная система тяжелее, пожалуй, чем драться в окопах, но они поймут, что это и есть сейчас главный фронт революции... И они принесут эту жертву, если им хорошо и толково разъяснить...

Москалев, усмехаясь, помотал головой. Сел к столу...

— Задачку вы нам вернули, товарищ Сталин... С чего же реально, с каких мероприятий, думаете, нам начать?

— Мое предложение — начать с созыва общегородской партийной конференции.

— Когда?

— Завтра. Зачем откладывать...

— Повестку дня успеем составить?

— Утром часиков в семь — приезжайте оба...

— В семь утра? (Москалев залез пятерней в волосы.) Тогда я сейчас же поеду... Надо продумать, подготовить материалы... — Он запнулся и вопросительно взглянул.

Концом трубочного мундштука Сталин начал проводить по клеенке черточки, как бы строчки.

— Вопрос об осуществлении монополии и карточной системы; борьба за транспорт; усиление военного командования; борьба с контрреволюцией; укрепление партийной организации и развертывание массово-политической работы;

борьба против распущенности, смятения и хаоса. Повестка будет большая...

Сталин поднялся и опять — по-товарищески просто — пожал руки Москалеву и Ерману. Уходя, Москалев задержался в дверях на секунду, но не обернулся, кашлянул густо, тяжело опустился с вагонной площадки и только уже развалиясь в машине — проговорил: „Да-а-а“.

К этому времени вагон Сталина, отведенный на запасные пути, был включен в городскую телефонную сеть. Сталин начал работу. Два его секретаря, молчаливые и бесшумные, вызывали по телефонам председателей и секретарей партийных и советских организаций, учреждений, подготавливали материалы, стенографировали, впускали и выпускали вызванных... Председатель Чека влез в вагон веселый, как утреннее солнце, ушел с другой площадки — бледный и озабоченный... Председатель железнодорожной санитарной коллегии, не дожидаясь вызова в вагон, распорядился подмести вокзал и перрон, для чего был послан грузовик в слободу за мешанками. В порядке общественной нагрузки их привезли вместе с метлами, от страха и досады они подняли такую пыль, что пришлось отказаться от этой формы борьбы с антисанитарным состоянием.

Весь день шли разные люди по разным путям, спрашивая вагон Сталина. Составлялась полная картина всего происходящего в городе, в крае и на фронтах. К ночи стали приходить рабочие: представители фабричных комитетов и некоторые одиночные низовые работники.

И только, когда за изломанными станционными заборами, за решетчатым виадуком, за убогими крышами, за темной Волгой разлился зеленый свет и разгорелась безоблачная заря, — в сталинском вагоне погас свет — сразу во всех окнах.

Утром была послана телеграмма — вне очереди — Москва, Кремль, Ленину: „Шестого прибыл в Царицын. Несмотря на неразбериху во во всех сферах хозяйственной жизни, все же возможно навести порядок. В Царицыне, Астрахани, в Саратове монополия и твердые цены отменены советами, идет вакханалия и спекуляция.“

Добился введения карточной системы и твердых цен в Царицыне. Того же надо добиться в Астрахани и Саратове, иначе через эти клапаны спекуляции утечет весь хлеб. Пусть Центральный исполнительный комитет и Совнарком в свою очередь требуют от этих советов отказа от спекуляции.

Железнодорожный транспорт совершенно разрушен стараниями множества коллегий и ревкомов. Я принужден

поставить специальных комиссаров, которые уже вводят порядок, несмотря на протесты коллегий. Комиссары открывают кучу паровозов в местах, о существовании которых коллегии не подозревают. Исследование показало, что в день можно пустить по линии Царицын—Поворино—Балашов—Козлов—Рязань—Москва восемь и более маршрутных поездов.

Сейчас занят накоплением поездов в Царицыне. Через неделю объявим „хлебную неделю“ и пустим сразу около миллиона пудов...

... Послал нарочного в Баку, на-днях выезжаю на юг. Уполномоченный по товарообмену... сегодня будет арестован за мешочничество и спекуляцию казенным товаром...“

IV

В салон-вагоне повсюду — на стульях, на столе, на полу — лежали куски материй, образцы железа, скобяных изделий, папки с бумагами, кучки зерна, газеты, рукописи. У опущенного окна за низеньким столиком сидела машинистка, тоненькие пальцы ее лежали на шрифте. За окном было чисто выметенное вокзальное поле, где вдали сходились полосы рельсов. Негромкий ровный голос за ее спиной, казалось, наполнял это залитое черным мазутом, исполосованное сталью пространство особенным и важным значением.

Сталин диктовал:

„На немедленную заготовку и отправку в Москву десяти миллионов пудов хлеба и тысяч десяти голов скота необходимо прислать... 75 миллионов деньгами и разных товаров миллионов на тридцать шесть: вилы, топоры, гвозди, болты, гайки, стекла оконные, чайная и столовая посуда, косилки и части к ним, заклепки, железо шинное круглое, лобогрейки, катки, спички, части конной упряжки, обувь, ситец, трико, коленкор, бязь, мадаполам, нансук, грисбон, ластик, сатин, шевьет, марин, сукно дамское и гвардейское, разные кожи, заготовки, чай, косы, сеялки, подойники, плуги, мешки, брезенты, галоши, краски, лаки, кузнечные и столярные инструменты, напильники, карболовая кислота, скипидар, сода...“

Диктуя, он перелистывал стенограммы. За эти несколько дней в Царицыне все было поднято на ноги. Партийная конференция, съезд профессиональных союзов, конференция заводских комитетов, чрезвычайные собрания с участием массовых организаций, митинги — следовали без перерыва.

Оборона Царицына, казавшаяся до этого делом одного Царицына, поднималась на высоту обороны всей Советской республики.

Через сталинский вагон проходили тысячи людей, воспринимая эту основную тему. Сотни партийных и советских учреждений, тонувших в междуведомственной путанице и неразберихе, начинали нащупывать логическую связь друг с другом. Сотни партийцев, занимавших канцелярские столы, количество которых от пяти до десяти раз превосходило нужное количество столов в этих учреждениях, насквозь прокуренных махоркой, были оторваны от бумажных волокон и брошены на агитационную работу по заводам и в деревню.

Суровой ясностью звучала новая тема: оборона Царицына должна быть наступлением по всему фронту — от севера Воронежской губернии до Сальских степей. Должна быть жестоким проведением хлебной монополии. Должна за июнь месяц дать два миллиона пудов хлеба Москве и Питеру.

Возбужденные митинги прокатились по заводам и окраинам. Рабочие поняли возложенную на них ответственность за судьбу всей страны — всюду были вынесены резолюции, поддерживающие общереспубликанскую задачу. И когда эта ответственность была вещественно выражена в немедленном прекращении свободной продажи хлеба и переходе на хлебную карточку с полуфунтом на пай, рабочие ответили: согласны...

IV

На рассвете Сталин поехал в арсенал. Спустился в подвал и внимательно ходил по проходам между сосновых ящиков и пирамид из ручных гранат. Строгий старичок, хранитель арсенала, не мог дать точных сведений — сколько здесь оружия: оно свозилось сюда из разных мест без учета и, по всей видимости, было ломаное, ржавое, негодное.

Из арсенала Сталин поехал на оружейный и машиностроительный завод. Обошел цеха и, когда рабочие, узнав его, собрались на заводском дворе, поднялся на грузовик и сказал:

— Товарищи, республика в опасности... Мы должны переходить в решительное наступление. Долг каждого из нас удесятить свои силы и победить. Ни один человек не должен оставаться равнодушным... Сочувствия мало... Нужно поголовно, от мала до велика, взяться за оружие.

Нужно работать так, чтобы у твоего станка стояла заряженная винтовка. Пролетариат должен быть весь мобилизован и вооружен. Но, чтобы мы были вооружены, нужно это оружие приготовить. Нам нужны бронепоезда, броневики и пушки. Только что я видел в арсенале тысячи сломанных и заржавленных винтовок, их нужно как можно скорее починить...

— Даешь наступление, товарищ Сталин, — ответили ему рабочие.

Солнце без пощады жгло черное пространство, прочерченное стальными линиями. Худые пальцы машинистки летали по клавиатуре. Сталин продолжал диктовать:

„...Нужно со всей остротой поставить вопрос о смене всего военного руководства... Обилие штабов (четыре штаба) превращает фронт в кашу. Общее состояние фронта — отрядная неразбериха. Назначенные сюда военные специалисты (сапожники) работают с непонятной вялостью и халатностью. Без экстренных и решительных мер нечего и думать об охране железнодорожной линии и о бесперебойной отправке продовольственных грузов...“

Вошел комендант, будто высушенный на огне человек — молча положил на стол телеграмму. Она была от очередного маршрутного поезда, везущего в Москву двадцать пять вагонов хлеба и три вагона сушеной рыбы.

„...В два часа ночи на разъезде у станции Филоново наш поезд сошел с рельсов ввиду того, что казаками были подложены пироксилиновые шашки. Тут же открылась стрельба со стороны казаков по поезду. Но благодаря нашим пулеметам казаки были отогнаны и частью перебиты. Здесь мы простояли целый день и в ночь отправились дальше. На тринадцатой версте за станцией были задержаны, потому что казаки опять наступали. Бой длился до семи вечера. После этого отправились дальше. На разъезде, не доезжая Поворина, оказался разобран путь на протяжении трех верст. Казаки со всех сторон окружили разъезд и наш поезд. Бой шел с часу ночи до одиннадцати утра. Здесь мы простояли четверо суток и починили путь. После чего направились дальше. У нас двое убитых, семь раненых легко. Надеемся благополучно довести груз до Москвы...“

Сталин по телефону вызвал коменданта. Комендант молча появился в дверях.

- Сколько вы отправили сегодня маршрутных?
- Три поезда с зерном.
- Сколько еще можете отправить?

- До полуночи еще три.
- Нужно усилить охрану. Прицепляйте к каждому поезду платформу со шпалами и рельсами.
- Есть.
- Комендант неслышно скрылся.
- Сталин отпустил машинистку и сел писать письма.

V

Сталин созвал у себя военное совещание. Нужно было сделать еще шаг в сторону организации армии: уничтожить четыре царицынских штаба и на место их поставить единый Военный совет. О таком решении Сталин телеграфировал в Москву, наметив пятерых членов Военного совета: себя, Москалева, Ворошилова, политического комиссара штаба и Тритовского, военного специалиста, — умного, знающего и скромного человека из бывших армейцев.

Высший военный совет уперся и после нескольких дней молчания ответил, что согласен на создание в Царицыне Военного совета, но считает, что он должен состоять только из трех человек: Сталина, Москалева и военного специалиста Ковалевского.

Такое решение было прямым предательством со стороны Троцкого. Тогда Сталин, не споря и не опровергая, сделал еще один организационный шаг: приказал начальнику Чрезвычайной комиссии арестовать и допросить Носовича, Ковалевского, Чебышева и весь их штаб. Это было уже в дни, когда мамонтовские батареи опоясали фронт ураганным огнем, и казачьи полки, великолепно одетые в берлинское черное сукно, тучами нависли над окопами.

Ковалевский, Чебышев, Сухотин, Лохматов и Кремнев, — несколькими часами позже — инженер Алексеев с обоими сыновьями — были арестованы, допрошены и после их признаний расстреляны.

Генерала Носовича спас Троцкий, освободив его из-под ареста и направив его в Балашов. Там Носович вредил еще месяца два. Вскоре, опасаясь нового ареста, он перешел фронт Добровольческой армии и представил Деникину свои объяснения.

Третьим членом Военного совета вместо Ковалевского был назначен Ворошилов.

Мамонтов сосредоточивал главные силы непосредственно против Царицына и наносил сквозной удар по магистрали, по которой месяц тому назад пробивались эшелоны Ворошилова.

К концу второй недели боев Коммунистическая и Морозовско-донецкая дивизии начали выматываться, — резервов нехватало. Снаряды и патроны, привезенные эшелонами Ворошилова, подходили к концу. Высший военный совет, в ответ на самые срочные требования прислать оружие и огневое снаряжение, ответил, наконец, что оружие и огнеприпасы могут быть присланы из Москвы лишь при условии, если в заявках будут указаны точные цифры количества бойцов, которым нужно оружие, наличие военного имущества в Царицыне и суммы, в рублях, ранее произведенных расходов.

Сталин послал в Москву Пархоменко, чтобы вырвать у Высшего военного совета оружие и огнеприпасы, немедленно привезти в Царицын.

Станицу Нижнечирскую пришлось оставить. Красные отступили на левый берег Дона. Мост был отдан врагу. Калач оставлен. В Царицын день и ночь подходили поезда, набитые ранеными. Под Кривой Музгой лучшие полки Комдивизии потеряли больше половины состава. Лукаш был тяжело ранен. Обливающаяся кровью, измученная Красная армия опиралась теперь только на бронепоезда, — ураганным огнем они отбрасывали наседающие огромные резервы мамонтовцев, но нехватало снарядов. Бешеными конными атаками враг неудержимо рвался к городу.

От грохота орудий в Царицыне дребезжали стекла. Все население торопливо копало на окраинах последнюю линию укреплений. Сталин был в окопах. Туда ему принесли телеграмму с требованием немедленно образовать Революционный совет Южного фронта на основании полного невмешательства комиссаров в оперативные дела, штаб поместить в Козлове.¹

В тот же час в домишке на окраине города собрался Военный совет, и Ленину и в Центральный комитет была послана телеграмма:

„Известен ли Высшему военному совету вышеуказанный приказ Троцкого? Телеграфный приказ Троцкого угрожает развалом всему фронту и гибелью всему революционному делу на юге и не может быть выполнен Военным советом Южного фронта“.

Сталин не выходил из окопов, руководя оттуда посылкой резервов, подвозом огнеприпасов, отправкой нового бронепоезда, вооруженного только что отлитыми тяжелыми пушками. В окоп спрыгнул Ворошилов, он вернулся на

¹ Козлов — четыреста верст севернее Царицына.

броневике с передовой линии, был весь в грязи, в машинном масле. Он молча глядел на Сталина, — губы у него тряслись.

— Убит Коля Руднев, — сказал он и с минуту стоял молча. — Патронов нет... Отбиваемся одними штыками... Потери большие... Ну, иду в цепь...

Вылез он из окопа. Сел в броневик (приехавший за новыми пулеметными дисками), умчался.

Когда мамонтовцам уже казалось, что они еще одним последним усилием ворвутся в город, против них выступил сформированный на рабочих окраинах свежий Новоникольский полк. Сталин сказал им несколько слов, и они пошли без выстрела. Двигавшийся впереди них бронепоезд огнем шквалом расчищал путь. Новоникольцы дошли до окопов врага и бросились в штыки. Мамонтовская пехота, не ожидавшая удара свежих частей, дрогнула и побежала. Ее встретили свои же казачьи сотни, кинувшиеся рубить бегущих. Но и эти сотни были сметены огнем бронепоезда и батареи, стоявших под городом. Усилие, с которым белые рвались к городу, сломилось, как это часто бывает, о неожиданно введенную против них новую силу. Белые как обожженные, отскочили от Царицына. Мамонтов послал резервы. На них с фланга бешено ударил Громославский полк. Белые начали откатываться за Кривую Музгу. Тогда на них напустилась морозовская кавалерия и сбросила в Дон все ядро, еще утром, казалось, победоносной, к вечеру — разгромленной мамонтовской армии.

„Наступление советских войск Царицынского района увенчалось успехом... Противник разбит наголову и отброшен за Дон. Положение Царицына прочное. Наступление продолжается. Нарком Сталин“.

Ив. №: 31

Ц. 1940
Акт № 195
Вкладн. л. _____

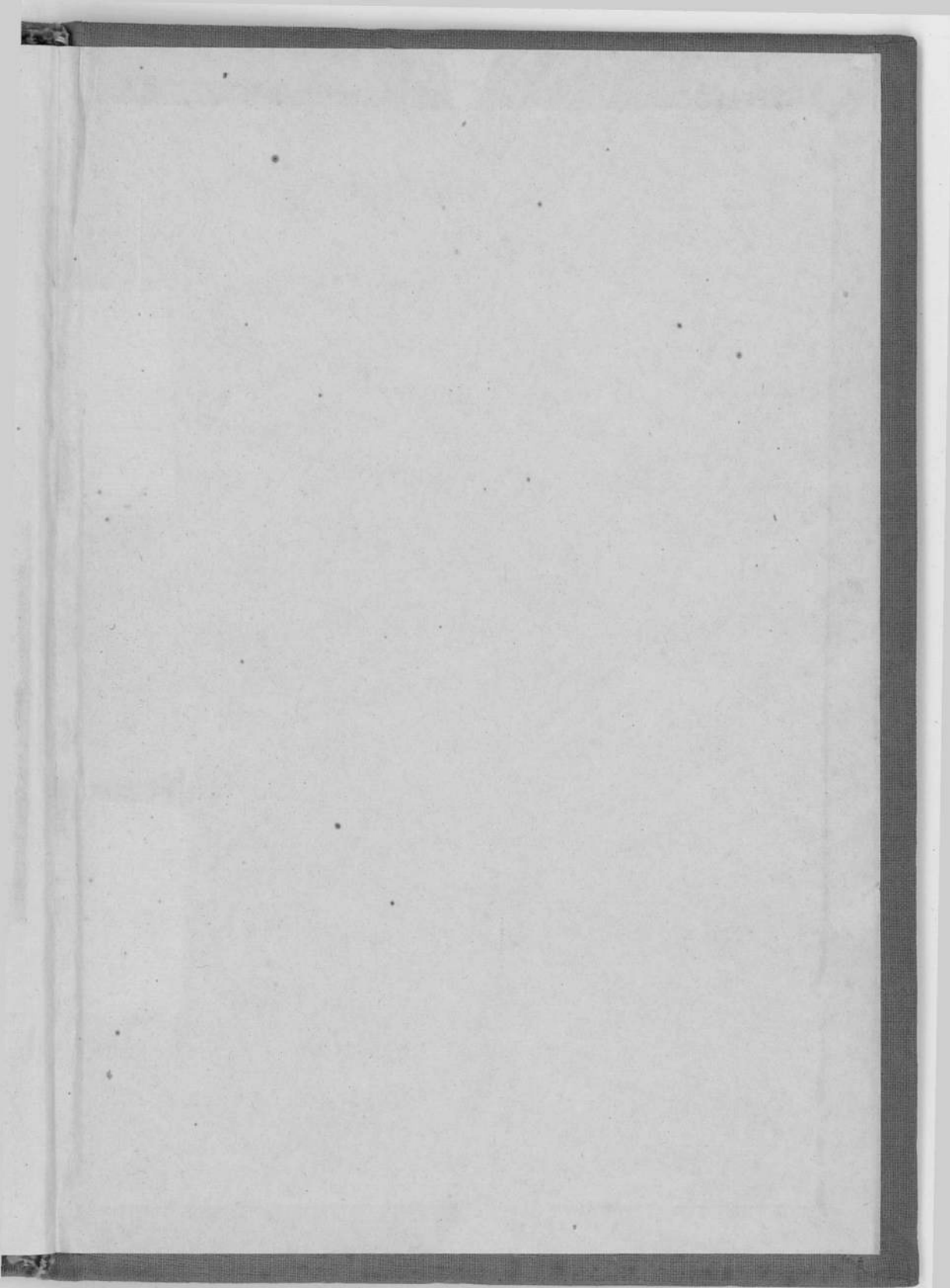
ОПЕЧАТКАИТ

Страница	Строка	Ханшман	Мосл' л'унгытта
4	5 нумыл'та	арийтпри	арийты ари
5	1 итл'та	номые	номыс
7	1 "	нетл'ыт	нётл'ыт
24	5 нумыл'та	нянь'ын	няньл'ын
41	14 итл'та	ёша	еша
76	6 нумыл'та	ртны	артны
88	17 снизу	сиденъи	сиденъе
118	11 снизу	вово всех	во всех

Ленин и Сталин в художественной литературе (на хантыйском яз.).

Зак. 2180.

Faint, illegible text at the top of the page, possibly bleed-through from the reverse side.

91257

ИХАН.
НЗ-10